

[23
[24

ГРАФЪ В. В. РАСТОПЧИНЪ

И

ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1812 ГОДУ.

Н. ТИХОНРОВО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КРОЛЕВА И К^О.

1854.

10

ТРАФЪ В. В. РАСТОВНИКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 27 іюля 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

АНОНИМНОСТЬ . И

КАНИСТЕРЪ П. П.

ВЪ ПЕЧАТНІИ САНКТУСЪ, В. К.

1854

2007043296

ГРАФЪ Ѳ. В. РАСТОПЧИНЪ

и

ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ.

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

А. Пушкинъ.

Статья первая.

Наша критика не разъ поднимала вопросъ о томъ, есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію? Сомнѣніе можетъ теперь показаться страннымъ; но, лѣтъ двадцать назадъ, оно волновало литературный міръ нашъ и отчасти остается въ своей силѣ и теперь — не для ученой критики, а для нѣкоторой части публики. Это пренебреженіе отечественною литературою происходило и происходитъ отъ поверхностнаго знакомства съ нею, или отъ совершеннаго незнанія ея. Много виновата въ томъ и безотчетная вѣра въ преданіе, которое возводило въ число литературныхъ гениевъ самыя обыкновенныя бездарности и часто забывало живыя стремленія даровитыхъ писателей или обширныя начинанія энергическихъ личностей. Возвеличивъ Хераскова, какъ геніальнаго поэта, это на-слово принятое преданіе не многого позволяло ждать отъ тѣхъ писателей, которые не были имъ замѣчены. Разумѣется, подобный взглядъ на нашу литературу могъ твердо держаться только до тѣхъ-поръ, пока наука ограничивалась эстетическою оцѣнкою писателей, признанныхъ классическими, и только

на нихъ обращала вниманіе. Исходя отъ мысли, что литература должна быть выраженіемъ общества, многіе не видали подтвержденія тому въ русской литературѣ и заключали, что она недостойна изученія, оставаясь жалкимъ вырожденіемъ французской. Въ наше время, благодаря болѣе близкому знакомству съ русской литературой прошлаго столѣтія, этотъ взглядъ измѣнился. Въ изслѣдователяхъ ея замѣтно уже стремленіе выйти изъ тѣснаго круга, въ которомъ до-сихъ-поръ заключали исторію нашей словесности, расширить его границы и выдвинуть писателей, на которыхъ прежде не обращали никакого вниманія, какъ на дѣятелей мелочныхъ, хотя они часто вносили въ литературу новыя начала и понятія.

Растопчинъ принадлежитъ именно къ числу писателей, о которыхъ почти не упоминалось въ различныхъ сочиненіяхъ, называющихъ себя «Исторіею Русской Словесности». Большая часть произведеній его, при жизни его изданныхъ, выходила въ свѣтъ безъ имени автора, и преданіе о немъ въ публикѣ начало забываться. Его афиши, брошенные среди разгара политическихъ событій, должны были имѣть къ массѣ читателей особенно-живое отношеніе, затрогивать въ ней самыя дорогіе интересы и приводить къ результатамъ чисто-практическимъ. Изъ этого прямого отношенія многихъ сочиненій Растопчина ко времени, можетъ-быть, объясняется и то обстоятельство, что, когда прошло это время, они начали приходить въ забвеніе, о собраніи ихъ не думали, и только недавно изданы нѣкоторыя изъ нихъ г. Смирдинымъ; а между-тѣмъ, въ отношеніи къ извѣстному направленію нашей словесности, Растопчинъ остается въ продолженіе нѣкотораго времени главнымъ дѣятелемъ. Эту мысль подтвердить обзоръ литературной дѣятельности Растопчина, составляющій предметъ настоящаго сочиненія. Біографическихъ данныхъ коснемся мы, на сколько это нужно, для объясненія его произведеній.

Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Растопчинъ родился 12 марта 1763 года ⁽¹⁾ въ Москвѣ. Воспитаніе богатаго русскаго барича въ прошломъ столѣтіи не обходилось безъ руководства иностранныхъ гувернёровъ, хотя

⁽¹⁾ А. Я. Булгаковъ въ своей «Біографіи графа Ѳ. В. Растопчина» (Отечественныя Записки 1826 г., ч. XXVI, стр. 54) говоритъ, что онъ родился въ 1765 году, основываясь, кажется, на словахъ самого Растопчина въ *Mes mémoires ou moi au naturel écrits en dix minutes*. Наше показаніе взято изъ надгробной надписи графа и подтверждается замѣчаніемъ одной брошюры 1813 года, которое будетъ приведено ниже. Ср. «Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ» 1830 г., часть I, кн. I, стр. 86.

и русская стихія находила себѣ доступъ къ ребенку черезъ людей, окружавшихъ первые его годы. Въ этомъ отношеніи не послѣднюю роль играла мама. Растопчинъ говоритъ, что и онъ «имѣлъ десятка съ три заморскихъ учителей; но, помня поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался русскимъ». По нравственному вліянію на питомца Растопчинъ ставитъ русскую маму выше всякихъ французскихъ *bonnes*. «Хотя мамы эти, хаживавшія за дѣтьми, и были простыя барскія барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами, смертию—курносой, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добродѣвѣй жемъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшихъ?» Таковы собственныя слова Растопчина (въ повѣсти: *Охъ француз!*), на опытѣ основанныя. На него самого это вліяніе могло быть тѣмъ сильнѣе, что до пятнадцати лѣтъ большую часть года проводилъ онъ въ селѣ отца своего — Козмодемьянскомъ ⁽²⁾. Въ 1775 году Растопчинъ сдѣланъ былъ пажомъ, потомъ служилъ лейб-гвардіи въ Преображенскомъ Полку. Онъ рано обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, которая, въ разговорѣ съ Мамоновымъ, такъ выразилась о немъ: «у этого молодого человека большой лобъ, большіе глаза и большой умъ ⁽³⁾». По словамъ г. Булгакова, императрица «удостоивала его чести участвовать въ отборномъ ея обществѣ, въ которомъ блистали, между прочими, Сегюръ, Кобенцель, Гербертъ, Шуваловъ». Даръ замѣчать смѣшное и искусно выставлять его на показъ другимъ рано обнаружился въ Растопчинѣ. Часто, забавляя общество императрицы остроумными разсказами и замѣчаніями, Растопчинъ въ

(2) «Я здѣсь (пишетъ Растопчинъ къ П. Д. Циціанову изъ Козмодемьянска) смотрю и наполненъ тысячею воспомнаніями. Я здѣсь жилъ до 15 лѣтъ мѣсяцовъ по девяти въ годъ, первый годъ моей женитьбы наединѣ съ женою и узналъ всѣ ея добродѣтели; здѣсь родился Сергуша и я позналъ неизвѣстное чувство стать отцомъ. Много здѣсь со мною было непріятнаго, но все окончилось». За сообщеніе драгоценныхъ писемъ Растопчина къ Циціанову, также писемъ С. Р. Воронцова и Головина къ О. В. Растопчину, мы обязаны благосклонности графа Андрея Θεодоровича Растопчина. Въ настоящемъ сочиненіи мы по возможности пользовались этою любопытною перепиской; когда-нибудь она, вѣроятно, напечатается вполнѣ и доставитъ прекрасныя подробности для исторической картины нашего общества, въ началѣ настоящаго столѣтія.

(3) «Отечеств. Записки», 1826 г., ч. XXVI, стр. 54.

то же время и самъ имѣлъ случай изощрять этотъ даръ и запасаться новыми наблюденіями, сталкиваться съ противоположными мнѣніями. Собранія императрицы въ Эрмитажѣ раздѣлялись на большія, среднія и малыя. Извѣстно, что въ послѣднихъ принимало участіе только то отборное общество, которое составлялось изъ людей, пользовавшихся особеннымъ вниманіемъ ея за умъ, таланты, или заслуги отечеству. Въ малыхъ собраніяхъ забавы не связывались этикетомъ и походили скорѣе на откровенную бесѣду близкихъ другъ къ другу лицъ. *Литературная игра* была здѣсь однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій. Вотъ въ чемъ она состояла. Императрица, или кто-нибудь изъ присутствующихъ, по ея желанію, предлагалъ на лоскуткѣ бумаги вопросъ или текстъ, какой приходилъ ему въ голову. Потомъ каждый изъ присутствовавшихъ обязанъ былъ, не приготовляясь и прочитавъ только послѣднія слова предъидущей фразы, продолжать ее или опровергать». Слѣдующіе два листка, такимъ образомъ составившіеся, всего лучше могутъ ознакомить съ характеромъ и ходомъ *литературной игры* избраннаго общества императрицы (4).

Листокъ 1-й «*Главныя правила эрмитажныхъ вечеровъ*. Писать четко, и это по первому пункту. Читать громко и явственно, помнить о здоровомъ смыслѣ, но привѣшивать къ нему добрую порцію веселости.

Не лгать — было бы прекрасною и доброю вещью.

Не уклоняться отъ предмета.

Не слишкомъ разглагольствовать.

Не льстить.

Не пускаться въ эпиграммы.

Кидать на бумагу первую мысль, которая взбредетъ въ голову — безъ чванства.

Въ особенности, господѣ, не злословить.

Иначе тотчасъ закрою засѣданія (*Екатерина*).

Быть исправну въ своей должности, т. е. сдѣлать двѣнадцать антрша прежде чѣмъ возьмешься за перо.

(4) Листки этихъ малыхъ собраній сохранилъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, составившій такимъ-образомъ довольно-обширный портфель. П. П. Свищевъ, получивъ эти драгоценные документы отъ К. А. Нарышкина, напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ въ статьѣ: *Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ* («Сынъ Отечества», 1836 г., № 2, ч. 175-я, Отд. 1, стр. 81—97). Изъ нея заимствуемъ мы два листка вмѣстѣ съ пояснительными подробностями.

Не задавать предметовъ, о которыхъ нѣчего говорить, каковы: смерть Буцефала, и тому подобное.

Стараться, чтобъ академія наша держалась какъ—можно—долѣе.

Самый лучший способъ для сего имѣть умъ за четверыхъ, хотя бы было насъ сорокъ (*Екатерина*).

Или ума за сорокъ, хотя бы было насъ четверо.»

Листокъ 2-й «*Дорога, которою думаю достичь безсмертія*.

Много есть дорогъ, которыми его достигаютъ, но одинъ случай указываетъ, которую избрать.

Я стану за санями у ея величества.

Берегитесь: дорога, по которой сани ея величества ѣздятъ, сказывала мнѣ моя кормилица, еще ухабиствѣ дороги на островъ, гдѣ мы сегодня обѣдали (*Екатерина*).

Добрый отдыхъ послѣ добраго обѣда.

Я сдѣлаюсь безсмертнымъ мученикомъ за терпѣніе мое съ людьми скучными.

Я поѣду въ свитѣ г. Томаса.

Веселая кампанія, но врядъ ли дорога къ безсмертію (*Екатерина*).

Таковы были собранія, въ которыхъ Растопчинъ игралъ, вѣроятно, не послѣднюю роль и которыя можно назвать литературною его школою. «Игра», учрежденная императрицею, исключала совершенно риторическія фигуры и высокопарность, къ которымъ съ такою любовью обращались многіе прославленные писатели того времени; она незамѣтно отдаляла Растопчина отъ риторическаго направленія и указывала ему противоположный путь. Къ тому же онъ не былъ писателемъ ex professo и не имѣлъ нужды подчинять свои произведенія извѣстнымъ литературнымъ понятіямъ и условіямъ, въ его время господствовавшимъ, тѣмъ болѣе, что иное набрасывалъ онъ только для себя и, кажется, не имѣлъ намѣренія печатать. Сюда относимъ мы одно довольно-замѣчательное его произведеніе. Въ 1784 графъ оставилъ службу и отправился за границу. Изъ этого путешествія вынесъ онъ богатый запасъ остроумныхъ наблюденій, которыя и передалъ въ своихъ запискахъ о «Путешествіи по Пруссіи» ⁽⁵⁾. Растопчинъ обращалъ вниманіе на экономическія условія тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ, постоянно сравнивая ихъ съ Россіею. Въ неизданномъ *Возраженіи на книгу графа Стройновскаго* онъ говоритъ, между прочимъ: «Я самъ путешествовалъ почти четыре года и не въ юности моихъ лѣтъ; былъ

(5) Напечатаны въ «Москвитинѣ» 1849 года, №№ 1, 10, 13, 15; въ «Сочиненіяхъ графа Растопчина», изданныхъ А. Смирнымъ, пропущены.

во всей нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, и повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ ни послѣдній у насъ изъ націй просящій милостыню не можетъ себѣ сдѣлать понятія; ибо сіи у насъ не только принадлежатъ къ какому нибудь селенію, но имѣютъ въ ономъ или домъ, или землю, которую называетъ, по праву и сущности, своею: ибо онъ ею владѣетъ и часто у него есть овца и корова своя; а тѣ, конечно, пользуются и свободою и правомъ пріобрѣтать собственность, но никогда ничего пріобрѣсть не могутъ и, кромѣ рукъ и ногъ, ничего не имѣютъ, ниже куда голову преклонить отъ дождя и зноя. Входилъ въ подробное размышленіе и наблюденіе народонаселенности и промышленности, видѣлъ и слыхалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобы ввести у насъ, то по большей части видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе: долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ какой оно въ другихъ странахъ.»

Подобныя наблюденія не вошли въ записки о путешествіи по Пруссіи. Въ нихъ Растопчинъ говоритъ преимущественно объ общественной жизни, сословіяхъ, правахъ страны, о впечатлѣніи, которое производятъ города ея, и, наконецъ, касается личныхъ сношеній своихъ съ замѣчательными людьми, встрѣчавшимися ему во время пребыванія въ Пруссіи. Необыкновенное остроуміе, оригинальность, самостоятельность взгляда, отсутствіе всякой затаенной мысли отличаютъ записки Растопчина. Это не Фонвизинъ, который въ письмахъ изъ чужихъ краевъ съ такою желчью описываетъ свое путешествіе, съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на заграничную жизнь, никого не избавляя отъ беспощадныхъ насмѣшекъ; въ запискахъ Растопчина вы не найдете пристрастныхъ и безотчетныхъ обвиненій; взглядъ его свѣтелъ и незатемненъ посторонними цѣлями или личною антипатіею. Фонвизинъ писалъ свои письма не для публики, какъ и Растопчинъ — записки о своемъ путешествіи. По меткости и наблюдательности, оба произведенія могутъ быть поставлены рядомъ; но у Фонвизина нѣтъ того безпристрастнаго взгляда, который высказывается у Растопчина. Гораздо-разительнѣе разница между записками графа и «Письмами Русскаго Путешественника», какъ произведеніемъ чисто-литературнымъ, назначеннымъ для публики. Въ предисловіи ко второму изданію ихъ Карамзинъ говорилъ: «Я хотѣлъ при новомъ изданіи многое перемѣнить въ сихъ Письмахъ, и... не перемѣнилъ почти ничего. Какъ онѣ были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются»

ся. Пестрота, неровность въ слогахъ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодого, неопытнаго русскаго путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугъ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою на лоскуткахъ, карандашемъ». Карамзинъ проситъ извинить нѣкоторыя мелочныя подробности, встрѣчающіяся въ его писмахъ, потому-что «человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого-нибудь придворнаго, окруженнаго такими же придворными, или профессора, сидящаго въ испанскомъ парикѣ, на большихъ ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бишингову Географію» (6). Казалось бы, такими словами Карамзинъ отстраняетъ отъ своихъ «Писемъ» всякія литературныя условія и формальности; но мы не рѣшаемся вѣрить его свидѣтельству, что «Письма» писаны «не на досугъ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось». Въ противномъ убѣждаетъ насъ одно важное обстоятельство. Въ «Писмахъ Русскаго Путешественника» находимъ многія мѣста, цѣлкомъ заимствованныя изъ иностранныхъ писателей: Морица (7), Мура (Moore) и другихъ; а такія заимствованія предполагаютъ кабинетную работу. Откуда же объяснить противорѣчіе между предисловіемъ къ «Писмамъ Русскаго Путешественника» и самымъ сочиненіемъ? — Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Кажется, Карамзинъ, тогда еще молодой и неизвѣстный, думалъ этою оговоркою указать на легкій, бельетристическій характеръ «Писемъ», хотѣлъ привлечь читателей, отрекаясь отъ всякихъ сухихъ недантическихъ пріемовъ ученаго. Но заимсткова-

(6) «Письма Русскаго Путешественника» (М. Въ Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія 1797) ч. I, стр. 3 — 8. Въ смірдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина, это предисловіе не перепечатано.

(7) На заимствованія Карамзина изъ Морица высказывались намеки еще при жизни автора «Писемъ». Въ статьѣ «О словѣ господина Карамзина» читаемъ: «Путешествіе г-на Карамзина, которое очень неосновательно уподобляютъ Стернову и которое гораздо больше сходствуетъ съ Морицовымъ — драгоценное хранилище идей, чувствованій и т. д. «Аглая», издаваемая К. П. Шаликовымъ, 1808, май, стр. 57. Извѣстное описаніе рейнскаго водопада, помѣщаемое въ нашихъ хрестоматіяхъ, взято изъ статьи, напечатанной еще въ Дѣтскомъ Чтеніи (изд. 2-е, ч. XVIII, стр. 25 — 30). «Рейнскій Водопадъ», переведенный (какъ сказано въ журналѣ) изъ описанія одного путешественника.

нія его почти всегда такъ вѣрны источнику своему, что «Письма Гусскаго Путешественника» не могутъ похвалиться новостью и оригинальностью взгляда, что, впрочемъ, и трудно было ожидать отъ писателя столь-молодаго, долженствовавшаго явиться на судъ публики съ недо-вѣріемъ къ своимъ силамъ. Растопчинъ для себя набрасывалъ записки о своемъ путешествіи; ему не нужны были сирапки съ иностранными сочиненіями, и довольно было отмѣтить тѣ происшествія, или предметы, которые особенно поразили его. Вообще, частое отсутствіе въ русской литературѣ XVIII столѣтія здравыхъ идей о значеніи писателя имѣло вредное вліяніе на самый характеръ и направленіе ея. Большинство писателей убѣждено было, что ходульность или, по-крайней-мѣрѣ, совершенное отрѣшеніе отъ обыкновеннаго тона и настроенія человѣка есть необходимое условіе литературнаго произведенія. Преувеличенная сентиментальность, такъ называемый высокій слогъ были слѣдствіемъ этого убѣжденія. Этихъ стѣснительныхъ условій не соблюдалъ Растопчинъ, потому-что не считалъ себя писателемъ ex professo. Черезъ это много выигрываютъ его «Записки о путешествіи по Пруссіи». Простота изложенія, отсутствіе всякихъ реторическихъ украшеній придаютъ имъ особенную привлекательность и свѣжесть, какъ и живымъ статьямъ нашихъ сатирическихъ журналовъ или, напримѣръ, запискамъ Данилова. Къ этому отдѣлу литературы можетъ быть отнесено и путешествіе по Пруссіи. Чтобъ показать, какъ интересны отдѣльныя подробности этихъ записокъ, приведемъ разсказъ о посѣщеніи Сан-Суси въ самое время кончины Фридриха Великаго :

«На дорогѣ все осталось въ тишинѣ. Крестьяне работали; дѣти въ селеніяхъ играли; скотина ходила спокойно въ полѣ. Что было болѣе Великаго Фридриха на свѣтѣ? Бытіе его пресѣклось, но ни мало вокругъ его не нарушило порядка дневнаго. Сколь мало существо чело-вѣка! Землетрясеніе, громъ, дождь, вихрь приводятъ все въ безпорядокъ, а смерть Великаго Фридриха ничего не разстроила. Мы пріѣхали прямо въ Сан-Суси. Прошедъ двѣ комнаты, вошли мы въ спальню. Я съ почтеніемъ обратилъ глаза на альковъ, въ коемъ стояла кровать, полагая, что тутъ лежалъ тѣло Великаго Фридриха. Но въ самое то же время увидѣлъ нѣчто похожее на чело-вѣка, сидящаго въ креслахъ и покрытаго снѣгомъ плащомъ. Тутъ холодный потъ покрылъ мое лицо, не отъ страха, потому-что я мертвыхъ до-сихъ-поръ не боюсь, а отъ пронесшагося мгновенно размышленія, что тотъ, кто былъ столь до-стойно великъ, преобращенъ въ ничто и сокрытъ отъ глазъ людскихъ, яко предметъ обезображенный. Никогда бы я не имѣлъ духу просить, чтобъ его открыли, дабы взглянуть хоть разъ, и то въ первый и по-

слѣдній, на почтеннаго мертвеца; но швейцаръ, мой товарищъ, обратился къ гусару, коего мы застали тутъ въ комнатѣ, свое платье надѣвающаго, спросилъ: «можно ли посмотрѣть покойника?» — «Для чего итъ? отвѣчалъ безчувственный слуга: — я его всеѣмъ показываю». И за симъ словомъ, потянулъ плащъ, открылъ намъ лицо и корпусъ Великаго Фридриха. Тѣло мое, повинувшись чувству души, уклонившись по землѣ, отдало послѣдній долгъ сему великому мужу. Я, на него устремясь, спѣшилъ смотрѣть, не помню долго или коротко; но увидя его, до-сихъ-поръ еще не забылъ. Волосы его, довольно-густые, были все бѣлые; лицо осталось совершенно такое, какъ изображается на всехъ портретахъ; на одной сторонѣ рта губы темного крѣпко были сжаты, натурально или, можетъ-быть, отъ тисненія при снятіи съ лица формы. Спокойствіе, величество и геройство остались въ чертахъ лица мертваго Фридриха. Онъ казался быть во снѣ; но жизнь его останется вѣчно наяву. Глаза, коими онъ заставлялъ любить себя и бояться, коими онъ вывѣдывалъ истину и открывалъ тайну въ глубинѣ сердецъ; глаза, коихъ быстроты ни одинъ взглядъ споспѣть не могъ, глаза сіи были закрыты и лучъ генія не сіялъ въ нихъ болѣе. Неподвиженъ, преисполненъ жалости и удивленія, я все смотрѣлъ на мертваго героя, все чувствовалъ, былъ горестно тронутъ и раздраженъ, огорченъ тѣмъ, что не засталъ его въ живыхъ, не узналъ взгляда его и не слышалъ голоса; озлобленъ вновь, что гнусному служителю дала смерть право показывать героя. Не заставъ Великаго Фридриха въ живыхъ, я радъ былъ смотрѣть на мертваго часъ, день, недѣлю. Сколько трудовъ, издержекъ, домогательствъ, дабы увидѣть человека случайнаго, достопамятную бумагу, мѣсто славнаго сраженія, махицу, модель! А я наполнялъ свои чувства зрѣлищемъ рѣдкаго государя, совершеннѣйшаго изъ людей; но вдругъ гусаръ закрылъ Великаго Фридриха опять плащомъ, и симъ, яко завѣсомъ смерти, сокрылъ его отъ глазъ моихъ на-вѣки».

Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Растопчинъ желалъ служить волонтеромъ во вторую турецкую войну; но графъ Мамоновъ удерживалъ его подъ разными предлогами. «Я бился объ стѣну лбомъ въ 24 года, что не могъ выпроситься подъ Очаковъ» (писалъ онъ впоследствии къ Циціанову). Только Безбородко, отправлявшійся въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, взялъ съ собою Растопчина, какъ надежнаго помощника въ занятіяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ пожалованъ, 14 февраля 1792 года, камеръюнкеромъ. Потомъ назначенъ посланникомъ въ Португалію; но это намѣреніе рушилось смертью Императрицы.

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ минутъ великой монархiи и начала новаго царствованiя, Растопчинъ оставилъ любопытную записку объ этихъ событiяхъ ⁽⁸⁾. Вотъ его разсказъ о томъ, какъ узналъ онъ объ опасной болѣзни, постигшей императрицу: «Бывъ въ Англинскомъ магазинѣ, я возвращался домой пѣшкомъ и прошелъ—было Эрмитажъ; но вспомнивъ, что назаутрѣ отъѣзжалъ въ Гатчину, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовою. Вошедъ въ ея комнаты, увидѣлъ я дѣвицу Полетику, и одну изъ своихъ своячницъ въ слезахъ. Онѣ сказали мнѣ о болѣзни императрицы, и были встревожены первымъ извѣстiемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже пошла въ комнаты, и я послалъ къ ней одного изъ лакеевъ узнать пообстоятельнѣе о прошедшемъ. Ожидая возвращенiя посланнаго, увидѣлъ я вошедшаго въ комнату скорохода великаго князя Александра Павловича, который сказалъ, что онъ былъ у меня въ домѣ просилъ отъ имени великаго князя, чтобъ я прiѣхалъ къ нему скорѣе. Исполняя волю его немедленно, встрѣченъ я былъ въ комнатахъ камердинеромъ Парлантомъ, который, прося меня обождать скорого возвращенiя его императорскаго высочества, сказалъ, что императрицѣ сдѣлался сильный параличъ ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды и, можетъ—быть, въ сію минуту и не въ живыхъ. — Спустя минутъ пять, пришелъ и великій князь. Онъ былъ въ слезахъ, и черты лица его представляли великое душевное волненiе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, онъ спросилъ: знаю ли я о происшедшемъ съ императрицею? На отвѣтъ мой, что слышалъ отъ Парланта, онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенiю никакой не было и просилъ убѣдительно ѣхать къ великому князю наследнику для скорѣйшаго извѣщенiя, примолвя къ сему, что хотя графъ Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчину, но что я отъ имени его, могу лучше разсказать о семъ несчастномъ происшествiи». Доѣхавъ домой на извозникѣ, Растопчинъ велѣлъ заперчь маленькія сани въ три лошади и въ часъ приискалъ въ Софію; тогда ужъ было 6 часовъ пополудни. Здѣсь встрѣтился съ нимъ великій князь Павелъ Петровичъ. Растопчинъ передалъ его высочеству возложенныя на него порученiя и получилъ приказанiе слѣдовать за великимъ княземъ. Онъ сѣлъ въ сани съ конюшеннымъ офицеромъ Быковымъ и поскакалъ за каретою.

Въ 8¹/₂ часовъ пополудни вѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ весьма-немногіе знали о происшедшемъ. Вскорѣ, по прибытіи во дворецъ, великій князь, призвавъ Растопчина въ кабинетъ, изволилъ ска-

⁽⁸⁾ Бантышъ-Каменскій въ біографіи графа Растопчина приводитъ отрывки изъ этой записки, написанной 15 ноября 1796 года.

затѣ: «Я тебя совершенно знаю таковымъ, какимъ ты есть, я спрашиваю, чтобы ты откровенно сказалъ: чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?» Имѣвъ всегда въ виду истребленіе неправосудія (продолжаетъ Растопчинъ), я, не останавливаясь ни мало, отвѣчалъ: «секретаремъ для приѣма просьбъ». Великій князь, позадумавшись сказалъ: «знай, что я назначаю тебя генерал-адъютантомъ, для того, чтобы ты правилъ Военною Коллегіею».

На Растопчина полились милости новаго императора: въ самый день восшествія Павла I-го на престолъ онъ пожалованъ былъ въ генерал-майоры (8 ноября 1797 г.), въ томъ же мѣсяцѣ (12 ноября) получилъ анненскую ленту, а въ день Высочайшаго коронованія (5 апрѣля 1798 г.)—орденъ св. Александра Невскаго и 470 душъ въ Орловской Губерніи ⁽⁹⁾. Вскорѣ, однакожь, графъ получилъ отставку отъ своей должности, и это возбудило въ немъ намѣреніе снова отправиться за границу. Гр. С. Д. Воронцовъ, бывшій тогда посломъ нашимъ въ Лондонѣ, писалъ ему по этому случаю (отъ 1-го іюня нов. ст. 1798 года): «Je me fais une très agréable perspective de votre futur voyage dans les pays étrangers. Votre séjour en Angleterre sera pour moi une des plus agréables époques de la vie. Je rêverai un ancien ami, un homme au quel je dois beaucoup et pour le quel j'ai l'attachement, l'estime et la reconnaissance la plus profonde. Croyez mon bon ami, que j'ai pour vous la reconnaissance la plus sincère et que ce que je vous dois ne s'effacera jamais de mon coeur.» По отставкѣ Растопчина была непродолжительна; 24-го августа того же года онъ былъ назначенъ въ свиту его величества, а въ октябрѣ—третьимъ присутствующимъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Мы оставимъ въ сторонѣ дипломатическую дѣятельность его, о которой говорили уже гг. Терещенко и Бантишъ-Каменскій ⁽¹⁰⁾. Для нашей цѣли гораздо-любопытнѣе переписка, которая началась между Растопчинымъ, какъ членомъ Иностранной Коллегіи, и Суворовымъ, который предводительствовалъ въ то время австрійскою арміею. Не официальныхъ писемъ къ Суворову, скрѣпленныхъ только именемъ Растопчина, хотимъ мы коснуться ⁽¹¹⁾, но тѣхъ, гдѣ Растопчинъ является

⁽⁹⁾ Бантишъ-Каменскій въ «Словарѣ Достоп. людей русской земли». Спб. 1847, т. III, стр. 113 — 114.

⁽¹⁰⁾ Терещенки, «Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». (Спб. 1837), часть 4 стр. 205 и слѣд. Бантишъ-Каменскаго, «Словарь», ч. III, стр. 115 — 119.

⁽¹¹⁾ Таковы, напр., письма, напечатанныя въ «Исторіи Россійско-Австрійской Компаніи 1799 г.», Фукса, часть III, стр. 272, 274.

поклонникомъ великаго полководца, жаркимъ защитникомъ его славы. Близкія отношенія такихъ людей не лишены интереса. Здѣсь сталкивались два человѣка равно-оригинальные по уму; но неожиданныя, противорѣчившія принятымъ условіямъ свѣта выходки Суворова иногда изумляли Растопчина своею странностью и не находили себѣ оправданія въ его взглядѣ на вещи. Стоить только прочесть статью Растопчина «О Суворовѣ», чтобъ видѣть, какія стороны особенно поразили его ⁽¹²⁾. Онъ, напримѣръ, разсказываетъ слѣдующіе два анекдота изъ своихъ собственныхъ сношеній съ Суворовымъ: «Сидя одинъ разъ съ нимъ наединѣ, наканунѣ его отъѣзда въ Вѣну, разговаривалъ о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ сперва вычитать ошибки цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать свои собственные виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были чрезвычайнаго человѣка: такъ его говорящаго и подобное краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. По посреди рѣчи, когда я былъ весь превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія Кесаря обратился въ птицу и зашѣлъ громко цѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ его съ огорченіемъ: «какъ это возможно!» «а онъ взявъ меня за руку, смѣясь сказалъ: «поживи съ моё, закричишь курицей».

«Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ войнахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при всякомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказавъ мнѣ на ухо: Юлій Кесарь, Аннибалъ, Бонапарте, Домашній Лечебникъ, Пригожая Повариха, заговорилъ о химіи» ⁽¹³⁾.

Суворовъ узналъ Растопчина еще въ Турціи и, въ знакъ своего расположенія, подарилъ ему свою военную палатку; дѣятельная же переписка между ними начинается съ того времени, когда Суворовъ отправился, по выраженію Императора Павла въ рескриптѣ къ нему, «спа-

⁽¹²⁾ Этой статьи нѣтъ въ Сочиненіяхъ Растопчина изд. г. Смирдина; она напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1808, № 3, стр. 241 — 249 подъ заглавіемъ: О Суворовѣ (письмо къ издателю Р. В. отъ 28 января 1808 г. с. Вороново). Подъ статьею выноска С. П. Глинки: «Синъ драгоцѣнный преданія о героѣ италійскомъ сообщены издателю графомъ О. В. Растопчинымъ».

⁽¹³⁾ Глинка въ «Русскомъ Читеніи» (Спб. 1843, часть I, стр. 227 — 235) приводитъ слышанный имъ отъ Растопчина разсказъ о Суворовѣ. Основаніе его, конечно, можетъ-быть, справедливо, но не думаемъ, чтобы память Глинки могла сохранить въ настоящемъ видѣ и подробности, которыя въ подобномъ случаѣ очень-важны: отнимите ихъ—что останется? Потому мы не рѣшались воспользоваться этимъ неполнобѣ-достовернымъ документомъ.

сать царей». Растопчинъ сохранялъ всегда благоговѣніе къ генію Суворова и не могъ равнодушно смотрѣть, какъ оскорбляли его члены Гофкригерата. Послѣ битвы при Нови, Суворовъ писалъ къ Растопчину: «Еще новую побѣду Всевышній намъ даровалъ: новокомандующій генералъ Жуберъ, желая выиграть довѣренность своихъ войскъ, выступилъ 4-го числа августа изъ горъ съ арміею выше 30,000 чел., оставя Гави въ сѣнѣ. Соединенная армія его атаковала и, по кровопролитномъ бою, одержала побѣду. Все мнѣ не мило! Присылаемые поминутно изъ Гофкригерата повелѣнія ослабляютъ мое здоровье, и я здѣсь не могу продолжать службы; хотять операціями править за тысячу верстъ: не знаютъ, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ се перемѣнять; меня дѣлаютъ экзекуторомъ какого-нибудь Д* или Т*. Вотъ новое В*. Д*. распоряженіе, которое я ввѣрилъ оригиналомъ отправленному съ донесеніемъ къ государю императору, подполковнику Кушникову, изъ котораго вы усмотрите, могу ли я болѣе быть здѣсь... Прошу ваше сіятельство доложить о семъ его императорскому величеству, какъ равно и о томъ, что, послѣ генуэзской экспедиціи, буду просить объ отзывѣ формально и уѣду отсюда. Болѣе писать слабость не позволяетъ». Это письмо взорвало раздражительнаго Растопчина: онъ отвѣчалъ Суворову (¹⁴): «Заклинаю васъ спасеніемъ Европы, славою вашею, презрите дѣйствіе злобы и зависти, вы имъ дѣлами вашими съ молодыхъ лѣтъ подвержены были; вамъ должно все повиноваться; и когда сама Франція ждетъ участи своей отъ руки вашей, то какъ могутъ заграждать путь вамъ тѣ, конхъ вы научили побѣждать и останавливали бѣгущихъ, забывающихъ стыдъ, вѣрность и страхъ Господень; увѣнчайте себя новою славою — презрѣніемъ тварей, недостойныхъ чувствовать цѣну добродѣтелей, васъ украшающихъ. Простите, сіятельнѣй-

(¹⁴) Въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Растопчина напечатаны немногія письма къ Суворову, и то съ большими пропусками. Издатель взял ихъ изъ «Московского Телеграфа» и напечаталъ безъ всякихъ дополненій, которыя можно было сдѣлать по «Русскому Вѣстнику» (1842, № 3, Отд. II, стр. 365) по Исторіи «Россійско-Австрійской Кампаніи» Фукса и книгѣ г. Милотина «Исторія войны Россіи съ Франціею». Впрочемъ, въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ по спеціальному предмету часто опускаются тѣ мѣста, гдѣ Растопчинъ говоритъ о себѣ; въ приводимыхъ нами письмахъ эти мѣста сохранены. Кромѣ указанныхъ источниковъ, мы пользовались копіями съ писемъ Растопчина къ Суворову, за сообщеніе которыхъ обязаны благодарностью А. Д. Черткову. Не говоримъ ужь объ опечаткахъ, искажающихъ въ смирдинскомъ изданіи многія мѣста. Напр. на стр. 152 напечатано «звание народное на помощь Государя» вмѣсто «Упованіе».

шій графъ; негодованіе государя велико и гнѣвъ сей справедливъ. А я бы желалъ, чтобъ эта жолчь, коею меня теперь рветъ отъ письма вашего, была бы вѣчно во рту у тѣхъ, кои его открываютъ для сказанія мерзостей и для наученія пакости подобныхъ себѣ. 7 августа 1799 г.» ⁽¹⁵⁾.

Въ томъ же мѣсяцѣ Растопчинъ пишетъ:

«Сколь извѣстіе новой побѣды обрадовало сердце преданнаго вамъ человека, столь письмо ваше наполнило его горестію. — О всѣхъ предъидущихъ до сего рескрипта ваше сіятельство изволите уже теперь знать мнѣніе государя и его предположенія. Онъ намѣренъ спасти Европу, все равно отъ французовъ или отъ цесарцевъ, а лучше сказать отъ барона Тугута. Но дабы предупредить въ семъ, должно переменить образъ настоящаго правленія во Франціи и потомъ предписать законъ двору вѣнскому, ограда всѣ его завистливыя предпріятія. Еслибъ государь оставилъ теперь союзныя державы, то онѣ принуждены бы были заключить сепаратный миръ, на которой Франція охотно согласится, оставя Австріи волю забрать въ Италіи все, что она заблагоразсудитъ, за тѣмъ, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія; и въ то время ничто не спасетъ Австрійскую Монархію, Италію и нѣмецкую землю отъ неизбѣжной ихъ гибели. — Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ война, упованіе народное на помощь государя нашего и духъ бодрости, оживотворившій тѣ земли, кои вы избавили отъ ига французскаго? Но если, увѣнчавъ спасительное дѣло сіе, возстановленъ будетъ престолъ императора, и—великими дѣлами князя италійскаго. — Оканчиваю тѣмъ, что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у ногъ вашихъ: останьтесь и побуждайте. Повтореніе просьбы вашей идти въ отставку нанесетъ страшныя слѣдствія для общаго дѣла. Вамъ ли обижаться гнусными хитростями коварнаго правленія? Вамъ ли ждать соучастія въ силѣ вашей отъ генераловъ, кои дожили, а не дослужились до сего званія? вы ихъ оставите, и они докажутъ, что ихъ участь или ничего не дѣлать, или быть повсемѣстно битыми. Русскіе будутъ съ вами и Богъ. Англія ничего не жалѣетъ, и уповательно, что экспедиція голландская возымѣетъ совершенный успѣхъ. Соединенныя флоты мѣшать не могутъ, бывъ заперты въ брестскомъ портѣ. Вотъ все, что сердце и душа моя мыслить; они открыты передъ вами. Любите во мнѣ преданнаго вамъ человека и желающаго единственно славы государя и благоденствія Россіи и т. д. ⁽¹⁶⁾.

⁽¹⁵⁾ Ср. Фукса «Исторія Р. Ав. кампанія», III, стр. 239.

⁽¹⁶⁾ Сочиненія Растопчина, изд. Смирдина, стр. 151 — 153.

«Сіяте́льнѣйшій князь

милостивый государь.

«Въ допoлненіе съ отправленнымъ фельдъегеремъ Крепышемъ буду имѣть честь сказать вамъ лишь то, что справедливость, кою отдаеъ англійская нація, должна вамъ быть пріятнѣй высокопарныхъ словъ вѣнскаго кабинета, который много говоритъ и ничего не дѣлаеъ. На всѣхъ праздникахъ пьютъ здоровье въ Англіи: 1) короля, 2) императора руссійскаго, 3) избавителя Италіи — пѣсня новья въ похвалу вашу; чувства всѣ преданы вамъ, и Англичане также, что и земляки ваши, почитаютъ и гордятся вами.

Вамъ преданный

графъ Ѳеодоръ Растопчинъ.»

29 августа 1799.

Гатчина.

«Сіяте́льнѣйшій графъ

милостивый государь.

«Отправленіе двухъ послѣднихъ курьеровъ во время моей болѣзни воспрепятствовало мнѣ писать пространно къ вашему сіятельству; но теперь могу удовлетворить моему желанію и увѣдомить васъ о многомъ. Изъ рескрипта государя изволите увидѣть, что, несмотря на чрезмѣрное его желаніе предупредить въ предпринятомъ подвигѣ, его императорское величество помышляетъ и о будущемъ, которое не обѣщаетъ намъ большаго спокойствія, коль скоро республика французская останется на свѣтѣ таковою, какъ она есть; иначе же ей и быть невозможно. Признаюсь, что я съ большимъ огорченіемъ вижу опасное положеніе Корсакова въ Швейцаріи; и если Массена, не дождавшись вашего прихода въ Швейцарію, разобьетъ Готца, то нашимъ войскамъ трудно будетъ сохранить ихъ позицію. Безпокойство мое на сей счетъ не прежде кончится, какъ съ извѣстіемъ о приходѣ вашемъ. Мы всѣ увѣрены, что руссійское войско съ вами непобѣдимо; и вы много людей найдете близъ государя, кои васъ не любятъ, а боготворятъ, потому-что есть люди, кои живутъ для славы государя и Россіи. А кто же съ начала бытія ея больше васъ ее прославилъ? но что мнѣ о семъ говорить?— Я не государь, не исторія, не Европа. О, еслибъ вы могли произвестъ во Франціи возстаніе въ пользу короля, войдя въ Франшъ-Конте! Вы бы раздѣлили ее на двое.— Тогда и короля Лудовика XVIII къ вамъ отправимъ. Искать славу сего подвига можно во всѣхъ случаяхъ, т. е. и при началѣ царствованія и при междоусобной войнѣ, полагать можно, слѣдовательно на нѣсколько лѣтъ Францію вовсе недействительною. И

тогда, не теряя времени, прийтись за австрійскій домъ и убавить его ходу, пообръзавъ крылья. Какъ сіе легко при означенномъ положеніи вещей, столь трудно будетъ, если кабинетъ вѣнскій заключить миръ и союзъ съ безбожнымъ французскимъ правленіемъ. Р. писалъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желалъ бы повидаться съ отцомъ своимъ: государь теперь его изволилъ уволить на шесть мѣсяцевъ; и по полученіи отпуска тайный совѣтникъ Колычевъ имѣетъ вступить въ отправленіе должности при дворѣ вѣскомъ. Г. Р. по привычкѣ жить въ Вѣнѣ и по высокому мнѣнію о баронѣ, весьма часто забывалъ, какому государю онъ служить. Колычевъ, хоть и не такъ затѣйливъ, но можетъ не хуже дѣло сдѣлать. — Баронъ составилъ поѣздъ свадебный для поправленія дѣлъ своего двора и дядькою отправилъ своего рыжаго Дитрихштейна; но я увѣренъ, что его проектъ не удастся, потому-что о дѣлахъ съ нимъ говорить не будутъ. Дитрихштейнъ и жить даже здѣсь не будетъ, а я готовъ что угодно на бумагѣ принять, а съ языка ничего. Баронъ до того и потерялся и заблудился, что отказывается отъ своихъ писемъ, что и случилось съ англійскимъ дворомъ по случаю учрежденія плана кампаніи, для чего они требовали г-на майора лорда Мулграва, а теперь баронъ отказался его видѣть, предлагая въ извиненіе, что или онъ его не требовалъ, или учинилъ сіе ошибкою; но англійское министерство столь снѣмъ глупымъ и безстыднымъ поступкомъ было раздражено, что предписало лорду Мпиту, своему въ Вѣнѣ посланнику, въ случаѣ отказа барона Тугута—дать удовольствіе по сему дѣлу, откланяться и ѣхать изъ Вѣны, оставивъ тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ Голландіи народъ весьма хорошо расположенъ и приходъ нашихъ войскъ вѣрно обратитъ его на изгнаніе Французовъ; но откровенно скажу, боюсь обѣдовъ. Г. П. и нашъ Готлибъ Германъ такъ натянутся, что и свѣту Божьяго не взвидятъ.»

Суворовъ былъ для Растопчина полнымъ представителемъ русскаго богатырства и потому привлекалъ къ себѣ живое его сочувствіе. «У сына Ан. ваша жизнь (пшетъ онъ къ Суворову) и онъ толкуетъ ее сестрѣ — а она вездѣ васъ видѣтъ, хотя вы и одинъ на свѣтѣ.» Растопчинъ дорожитъ славою Суворова, какъ соотечественника, старается внушить ему твердость въ презрѣніи враговъ и завистниковъ и горячо принимаетъ къ сердцу оскорбленія, ему наносимыя. Люди, окружающіе насъ, всегда оказываютъ вліяніе на нашъ образъ мыслей и характеръ. И Растопчинъ, окруженный великими личностями его эпохи, «стаей славной екатерининскихъ орловъ», по выраженію поэта—видѣлъ въ нихъ представителей русской силы и въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, невольно должно было возникнуть состязаніе ве-

личія русскаго народа. Стоить только просмотрѣть имена великихъ людей Россіи, которыхъ выставяетъ Растопчинъ въ «Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», чтобъ видѣть, что бѣльшая часть ихъ была живымъ примѣромъ самому Растопчину. онъ зналъ ихъ самъ, и ихъ величіемъ была отчасти воспитана его вѣра въ могучія силы русскаго челоуѣка.

До-сихъ-поръ мы видѣли Растопчина только, какъ челоуѣка государственнаго. Преданный исполнѣ дѣламъ государственнымъ, онъ и не думаетъ еще выступать на поприще писателя. Онъ пользуется полнымъ благоволеніемъ монарха, употребляетъ для добрыхъ дѣлъ свое вліяніе, спасая Карамзина отъ вредныхъ слѣдствій клеветы, доноса, на него сдѣланнаго, дружески помогая С. Р. Воронцову ⁽¹⁷⁾ и, при самомъ началѣ новаго царствованія, Безбородкѣ. Въ-мѣсто княжескаго достоинства, которое хотѣлъ пожаловать Растопчину императоръ Павелъ I ⁽¹⁸⁾, онъ испрашиваетъ почестъ престарѣлому отцу своему. Но въ 1801 году графъ долженъ выйти въ отставку, поселяется въ своемъ селѣ Вороновѣ и для него начинается совершенно-новая жизнь, спокойная, но однообразная, скоро надоедающая жизнь. Растопчинъ жилъ попеременно то въ деревнѣ, то въ Москвѣ. Здѣсь онъ часто проводилъ вечера у Карамзина и мучилъ супругу его, Екатерину Андреевну, оставаясь до трехъ, до четырехъ часовъ ночи. Нерѣдко также посѣщалъ Семѣна Ива-

(17) Въ письмѣ отъ 14/25 мая 1799 года С. Р. Воронцовъ пишетъ къ Растопчину: «Vous m'avez rendu la vie, mon bon ami. Je vous ai déjà écrit, que si vous parvenez à me sauver, je vous consacrerai une chapelle comme à mon sauveur. Elle est déjà bâtie dans mon cœur, mais je me réserve de bâtir un temple dans une de mes terres, où je finirai probablement mes jours, quand ma santé sera encore plus délabrée qu'elle ne l'est déjà. Il sera consacré à l'amitié et à la reconnaissance et parmi les personnes à qui je dois ces sentiments votre portrait aura une place très distinguée.»

(18) Разсказываютъ, что, однажды находясь съ Растопчинымъ въ многочисленномъ обществѣ, гдѣ было много князей, императоръ Павелъ I спросилъ его: «Скажи мнѣ, отчего ты не князь?» После минутнаго колебанія Растопчинъ спросилъ императора, можетъ ли онъ высказать настоящую причину, и, получивши утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «Предокъ мой, выѣхавшій въ Россію, прибылъ сюда зимой». — Какое же отношеніе имѣетъ время года къ достоинству, которое ему было пожаловано, спросилъ императоръ: «когда татарскій вельможа (отвѣчалъ Растопчинъ) въ первый разъ являлся ко двору, ему предлагали на выборъ или шубу или княжеское достоинство. Предокъ мой пріѣхалъ въ жестокую зиму и отдалъ предпочтеніе шубѣ». Этотъ отвѣтъ очень-позабавилъ императора. *Mercur de France, du 21 messidor an X (10 juillet 1802, T. IX, p. 144.*

новича Гамалѣю, друга и послѣдователя Повикова ⁽¹⁹⁾ Домъ А. С. Небольсиной, которая по четвергамъ устраивала обыкновенно у себя собранія литературныя, также привлекалъ графа Полюю и самую вѣрную картину деревенской жизни Растопчина съ 1803 года представляетъ намъ переписка его съ княземъ П. Д. Цицановымъ. Приводимъ изъ нея нѣкоторые отрывки.

«Отъ 9 марта 1805, с. Вороново.»

«Письмо твое изъ Тифлиса, любезный другъ, получилъ, другаго бѣ я поздравилъ съ зрѣлищемъ прелестной природы; но тебя утѣшать должно: хорошо смотрѣть на чудеса Создателя, когда имѣемъ на тотъ разъ спокойный духъ. Первое мое пророчество сбылось, что имя твое, а потомъ ловкость приведутъ все разстроенное въ порядокъ. У меня все бы было здорово, но двѣ вещи сдѣлали большое неудовольствіе: отъ дуриныхъ дорогъ лѣтъ продажный и вино опоздали и я отъ сего могу понести убытокъ; да еще лучшій почти жеребецъ изъ арабскихъ умеръ, и я, къ несчастію, узналъ теперь на опытъ, что коновалъ, чѣмъ ученѣе, тѣмъ скорѣе уморить лошадь. Они могутъ быть хорошіе лекаря, а доктора—никогда. Три самыхъ славныхъ лечили лошадь, два отъ начала сапа, а одинъ отъ нечистоты въ желудкѣ, а по смерти нашли, что она умерла водяною болѣзнію и т. д.

«Отъ 25 марта, с. Вороново.»

«Хотя я три почты не имѣлъ отъ тебя извѣстія и знаю, что ты очень занятъ, разстроенъ, взбѣшенъ и проч., но, привыкнувъ, покуда живъ, беспокоиться о своихъ друзьяхъ, не спокоевъ на твой счетъ. Не имѣвъ между множества пороковъ, коими богатая природа меня одарила, лукавства, скажу напрямикъ, что если еще почты двѣ не получу писемъ, то принужденъ буду желать, чтобъ ты былъ боленъ, потому—что здоровому я не прощаю мѣсяцъ молчать и не найду 25 секундъ написать пять словъ о себѣ. Еслибъ я не такъ тебя хорошо зналъ, то бы приписалъ и дали, и дѣламъ, и времени часть молчаній—но сему быть пельзя и какая тебѣ польза ссорить меня съ родомъ человѣческимъ? Поздравляю съ краснымъ воскресеньемъ и красною лентою. Ко мнѣ пишутъ, что Государь весьма-часто говоритъ съ удовольствіемъ о тебѣ и находитъ особливую пріятность въ твоихъ донесеніяхъ. Сосѣдъ мой О. отставленъ и я угроженъ его переселеніемъ на все лѣто въ мое сосѣдство. К., жертвуя службѣ здоровьемъ, разъѣзжаетъ по инспекціи и

⁽¹⁹⁾ Стверпан Пчела, 1838, № 118, стр. 472.

готовить пѣхоту въ Москвѣ въ лучшемъ показатъ порядкѣ; сей разбитый воинъ вмѣстѣ съ предосторожнымъ А., говоря безпрестанно во всѣхъ окпахъ о войнѣ, могутъ преподавать молодымъ офицерамъ хорошіе уроки, и говоря безпрестанно о ретирадахъ, привести ихъ въ омерзѣніе. Д. съ К. въ явной ссорѣ. Мы сидимъ и потѣемъ въ нижнемъ ужь этажѣ, гдѣ отдѣланы двѣ комнаты; онѣ очень хороши, но, бывъ велики, кажутся очень наряднымъ, хотя и ничего богатаго нѣтъ. Сергѣй великій день о тебѣ говорить. Зима наша держится и, глубокими своими снѣгами испортивъ дороги, много задержала обозовъ. Жена тебѣ кланяется и очень рада, что ты первую пріятность получилъ среди непріятностей».

«Отъ 22 апрѣля, с. Вороново.

«Два твоихъ письма, любезный другъ, одно отъ 8 марта, а другое отъ 17 я получилъ. Благодарю тебя за лошадь и жалѣю очень, что ты могъ подумать минуту о моемъ отказѣ. Вѣрно, если будутъ у меня отъ пей дѣти, то не откажешь взять и опять подарить какого-нибудь горячаго охотника. Не довольно бѣлый *Дутманъ*, но и славы своей достойный *Кади*, тотъ самый, коего съ фирманомъ Блистательной Порты провели съ конвоемъ отъ Мекки до Смирны, палъ, а остался два сѣрые пяти лѣтъ и трехъ лѣтъ, обѣ славныхъ породъ и прекрасныхъ статей. Прошу отписать, какой породы и шерсти жеребецъ; да если вельзя будетъ его отправить лѣтомъ, такъ, чтобъ до сентября довести сюда, то пожалуйста дай ему перезимовать въ Георгіевскѣ для того, что первая зима неспосна для этого рода лошадей, и должно непременно, чтобы они по травѣ нѣсколько походили, очистили тѣло и приутомились сносить на зиму колюченный нечистый воздухъ. Миѣ очень жаль, что въ отсутствіе мое на четыре дня въ Москву, тотъ курьеръ, котораго твой братецъ отправилъ къ тебѣ, заѣзжалъ сюда; хотя я твои, а ты мои письма получаешь исправно, но извѣстія свѣжѣе бы дошли. Успокойся, пожалуйста, на счетъ цѣны путешествія въ Швейцарію. Если слову не вѣришь, то я къ тебѣ изъ Москвы доставлю счетъ книгопродавца, а радуйся тому, что изданіе въ in 4° нашлось. Если ты предусѣнешь въ приведеніи Имеретинъ въ подданство, тогда ты недоволенъ на нынѣшнее время, но и впредь сдѣлаешь сущую и важную пользу какъ Россіи, такъ и Грузіи. У меня мысль сія въ запасѣ иногда оставалась, но признаюсь, что я почиталъ ее всегда химерой. Сія дорога можетъ быть вѣрнѣе той, что князь Потемкинъ въ Тавридѣ проложилъ въ Царьградъ, подписавъ на воротахъ *Путь въ Софію*. Москва про шведскія дѣла ничего точно не знаетъ; но такъ-такъ приуготовленія

долго продолжался и ничего рѣшительнаго иѣтъ, то я думаю, что все окончится на краткихъ объясненіяхъ съ канцлеромъ, развѣ разрывъ у Англіи съ Франціею, коего весьма ожидать можно, сдѣластъ переворотъ въ теперешнемъ вещей положеніи. Царица грузинская въ Москвѣ въ большой модѣ; ее нашли очень умною и любезною, и она, по всеѣмъ объ ней разсказамъ, должна имѣть много ловкости въ учѣ. О глупостяхъ московскихъ ничего не пишу, потому—что онѣ недостойны вниманія; но жаль, что умы взяли весьма дурную, какъ говорить К., покатость и весьма—желательно, чтобъ дурное было только на словахъ, а не на дѣлѣ. Весна здѣсь открылась очень хорошо; теперь 18 градусовъ тепла. У меня въ полѣ, на дворѣ и въ домѣ дѣла множество и, какъ человекъ живетъ въ суетахъ, то и я отдаю сей долгъ природѣ. Прощай, трудись и находи награду въ успѣхѣ. Правда ли, что К., ѣздя лѣтомъ по Тифлису, заставлялъ себя обмахивать двумя ѣзовыми, по сторонамъ его кареты ѣзжавшихъ?»

«21 мая, с. Вороново.»

«Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо твое отъ 27 апрѣля, опишу тебѣ, въ какомъ положеніи быть, получа его. Ожиданіе пріѣзда Анны Степановны въ Москву, переѣздъ туда, безпокойство и скука свалили меня на третій день пріѣзда, потомъ занемогла и жепы, и я, живучи съ нею въ разныхъ домахъ—потому—что она остановилась у Анны Степановны, гдѣ и безъ меня тѣсно было,—навѣщая ее, простудился еще больше и отъ сего, потерявъ совсѣмъ голосъ, чувствовалъ большую боль въ горлѣ, которая до дня пріѣзда сюда и продолжалась. За Крафтомъ я посылать не хотѣлъ, а московскимъ лечить себя не дамъ; хорошимъ никто не вѣрять, а славные слишкомъ—богаты. Потомъ казначей казенной палаты слѣдующія мнѣ за вино 3,900 рублей, везя, потерялъ и, какъ онъ, по словамъ всѣхъ его знающихъ, хорошій человекъ и бѣдный, то ты легко догадаться можешь, что я тутъ сдѣлалъ. Наканунѣ отъѣзда моего изъ Москвы жена, пріѣхавъ ко мнѣ сидѣть, отпустила домой карету. За нею были два лакея; одинъ пошелъ иѣшкомъ, а другой, поднимаясь на гору у Пречистенскихъ Воротъ и не на мостовой ужалъ, закричалъ: стой! всталъ, разстегнулся, но не могъ идти. Другой лакей посадилъ его въ карету, привезъ домой, пустили тотчасъ ему кровь и онъ чрезъ нѣсколько минутъ потомъ умеръ. Хорошій человекъ повеснѣемъ, прекрасный собою, 24 лѣтъ. Смерть со всякимъ ежеминутно дѣлаться можетъ, но столь чрезвычайная и неожиданная разстроила меня еще больше. Садясь на другой день въ карету, отъѣзжая сюда получилъ твое письмо.

«Отъ 3 іюня, с. Вороново.»

«Вотъ ужъ три почты, любезный другъ, что я не получалъ отъ тебя писемъ и немного беспокоюсь на твой счетъ, зная, сколь ты къ сердцу принимаешь много вещей, оттого, что миллионы людей на тебя не походятъ. Если придетъ горячка, то одолжишь многихъ. Кромѣ жены, мы все нездоровы: я съ самаго несчастнаго моего путешествія въ Москву до-сихъ-поръ кашляю и дурно сплю. Май мѣсяцъ былъ совершенный потопъ и такъ, что ни за что приняться не возможно было; вообще отъ большихъ лѣсовъ въ здѣшней окрестности дождей слишкомъ-много бываетъ и отъ сего въ уборкѣ травы и хлѣбовъ можетъ выходить вредъ и затрудненіе. Я множество надѣлалъ испытаній и буду ждать ихъ успѣха, пытаюсь узнать силу новаго удобренія земли кислотою купоросною (*acide de Nitr.*); въ Голландіи два ужъ года, какъ во всѣхъ огородахъ не кладутъ навозу. А теперь очень занятъ я устройствомъ русской простой сохи. Фермеръ мой англійской со всѣмъ причтомъ и инструментомъ на сихъ дняхъ долженъ пріѣхать; но я ужъ очень богатъ всѣми орудіями для хлѣбопашества и пашель опытомъ, что соха имѣетъ больше выгодъ, чѣмъ думаютъ для пахатныхъ и мягкихъ вообще земель; неудобство ея то, что она дѣлаетъ уже плуга борозду и лежитъ на рукахъ у пахаря, отъ воли коего не совѣмъ зависитъ пущать ее глубже въ землю и пахать, а я дѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ рассохѣ, къ коей они утверждаются сзади, придѣлываю колесо, кое, подымаясь и опускаясь по волѣ, соразмѣрно и пахать будетъ глубже или мелче. Если удастся, то выгода та, что двѣ такія сохи впадутъ въ день десятину точно такъ, какъ и два плуга; но надобно два работника и двѣ лишь лошади вмѣсто четырехъ мужиковъ, изъ коихъ два идутъ за плугами, а два ведутъ лошадей, коихъ надобно по двѣ въ плугъ, да еще и сильныхъ. Плугъ же весьма полезенъ для пераспашныхъ земель, кои онъ можетъ подымать съ весны и до морозовъ, а соха едва до половины мая; плугъ имѣетъ слишкомъ много тренія отъ широкой поверхности отрѣзовъ и сошниковъ, тяжелъ для лошадей и валитъ на одну лишь сторону. Газеты иностранныя пишутъ, что должна быть война у турковъ и персіянъ; но я сему не вѣрю, судя по Пасванъ-Оглу, коего Порта до-сихъ-поръ бонитъ и ласкаетъ. Ты увидишь, какія безразсудныя требованія дѣлала Англія, за то и война. Головинъ ко мнѣ пишетъ изъ Парижа, что французы весьма недовольны и хотѣли бъ очень жить въ миру, чему я и вѣрю: тутъ нельзя и отомстить за вѣроломство и обиду, а должно смотрѣть съ берегу, какъ ихъ на моряхъ грабить будутъ. Недолго и Бонапарте наживетъ! Министерство великобританское не болѣе дорожитъ жизнію людей, чѣмъ хвостами лошадиными. Прощай мой другъ;

Богъ съ тобой, честь въ душѣ, умъ въ головѣ, духъ въ сердцѣ, а прочее найдешь у насъ въ домѣ».

«Отъ 24 іюня, с. Вороново.»

«Съ 13 мая я ни строки отъ тебя не имѣлъ и не знаю, чему сіе приписать: что ты боленъ, разсерженъ или измученъ дѣлами? Я совѣмъ тѣмъ съ ногъ сбился, но добровольно весь день почти на полѣ. Англичане мои пріѣхали, и мы спѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совѣмъ испорченную землю; теперь возятъ болотную горную землю, известку и навозъ на поля, и земли будущей весною будетъ 180 десятинъ засеяно, а хотятъ ферму завести на 300 и болѣе десятинахъ, для чего и дѣйствуютъ машины надъ срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле. Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, дотолѣ заведенія англійскаго обработыванія земель не будутъ нужны, но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣяніемъ травъ и овощами. Я смотрѣлъ заведеніе графа Румянова въ подмосковной и видѣлъ наилучшій горохъ, дрилемъ посѣянный на 70 десятинахъ, а прошлаго года онъ снялъ по 18 четв. съ дес. и продавалъ по 11 руб. четв. Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ; а что меня больше всего веселитъ, это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ нихъ, называемый Пронька, на мой вопросъ: могутъ ли они столько сработать? отвѣчалъ мнѣ: «Нмъ противъ насъ не вынести, у нихъ кишка-то пошиже». Но мнѣ ужъ привезли все орудія хлѣбопашества и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между-прочимъ, двойной плугъ отъ жидкости грунта и тяжести плуга въ разсужденіи большаго тренія и длины; но машинисты свои и мы приготовляемъ новые и удобнѣйшіе инструменты. Я на будущей недѣлѣ поѣду въ ливенскія деревни, гдѣ мнѣ непременно быть должно по многимъ причинамъ и отсутствіе мое отсюда продлится недѣли три. Жена и дѣти здоровы; Серёжа успѣваетъ чрезвычайно въ географіи и исторіи, но его учатъ безъ принужденія дабы изъ науки не сдѣлать пугалища и т. д.

«3 сентября, 1803, с. Вороново.»

«Послѣднее мое письмо было къ тебѣ отправлено съ фельдъегеремъ Петромъ Осдоровичемъ Харахоринымъ, коего я Петрушею уже называть не смѣю. Съ-тѣхъ-поръ въ нашемъ домѣ ничего чрезвычайнаго не произошло. Погода во весь августъ была чрезвычайная, но теперь платимъ мы долгъ природѣ. Дождь, слѣдственно грязь, сырость и пр. Заведеніе мое хлѣбопашества очень идетъ въ моду и учениковъ до-

волью къ веснѣ будетъ; 44 десятины разными образами засѣяны пше-
ницею, рожью и озимымъ ячменемъ, но много время потребно, дабы осилить
предразсудки, а самолюбія и преодолѣть невозможно, потому-что
первое покоряется иногда опытамъ, примѣрамъ и доказательствамъ, а
самолюбіе, презирая все, увѣряетъ себя часъ-отъ-часу въ преимуще-
ствѣ своемъ. Притомъ никто не хочетъ, несмотря на невѣжество, изъ
мастеровъ сдѣлаться ученикомъ; хорошо еще, что прибыль заставляетъ
отдаляться отъ правилъ сію часть людей, коихъ я называю окаменѣ-
лыми. Въ Воронежѣ у меня еровыя вовсе пропали, а въ Ливнахъ дурныя.
на Битюгѣ вновь мною заведенныя еровыя пшеницы отлѣнно сего года
родились, а рожь въ 12½ разъ, несмотря на засуху. Въ Петербургѣ
все слава Богу благополучно. Увѣряютъ, что Д. совсѣмъ было хотѣли от-
править въ чистую. Прощай; жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ.
Забылъ было сказать ложь К. Д. Е. Горичъ нашелъ въ каменной горѣ
у Моздока бутылку съ водою, и стекло такъ тонко, что, чистя, сжи-
мается и опять расправляется, и онъ заключилъ, что эта бутылка должна
быть изъ тѣхъ, кои употребляли помпеевы солдаты, хотя римляне и
никогда въ сѣмъ краю не были. А доказательство Ц. было то, что по-
добныя сей бутылкѣ сосуды есть въ развалинахъ Геркулана и Помпеи,
на что я ему замѣтилъ, что изобрѣтено стекло не старѣ 400 лѣтъ.
Еще у него же изъ полувигона фракъ, который, онъ увѣряетъ, вы-
тканъ изъ рыбьихъ усевъ. Жена и дѣти тебѣ кланяются. Катерина Пе-
тровна очень хорошо дѣлаетъ столярную работу; мнѣ много хлопотъ,
потому-что все устроять должно; но *patientia omnia vincit*. Письмо
кончилъ какъ З., а тебя обниму какъ твой сердечный другъ».

Въ письмѣ отъ 17 сентября Расточинъ пишетъ, между прочимъ:
«Когда ты пріѣдешь назадъ благополучно, то я спрошу: имѣешь ли истинное
понятіе о четырехъ-лѣтнемъ моемъ положеніи, когда, кромѣ зави-
сти и безчестія со стороны сотоварищей, боролся и съ несправедливо-
стью каждого. Мы здоровы. Осень хорошая и ты вѣрно бы мнѣ не упрек-
нулъ тѣмъ, что я не занимаюсь хлѣбопашествомъ — начало отлѣнное,
и я, кромѣ собственной своей выгоды надѣюсь соучаствовать и въ об-
щей, какъ то многіе желаютъ воспользоваться моимъ заведеніемъ и
учениковъ множество къ веснѣ приготовлено. Машинистъ преискусный,
а объ старикѣ Патерсонѣ ничего не говорю, потому-что онъ извѣстенъ
и въ Англіи и къ большому разсудку и опытности присоединилъ страсть
къ своему ремеслу и честныя правила ты будешь завидовать мнѣ, что
я его досталъ, а ему, что въ 61 годъ сохранилъ такъ свое здоровье».

Расточинъ, съ самаго времени отставки почти безвыѣздно жившій
въ деревнѣ, занимался усовершенствованіемъ своего сельскаго хозяйства

и воспитаніемъ дѣтей. Мы не безъ намѣренія привели всѣ тѣ письма его къ П. Д. Циціанову, въ которыхъ онъ рассказываетъ о своихъ сельско-хозяйственныхъ мѣрахъ, потому-что первое напечатанное произведеніе Растопчина было посвящено одной изъ такихъ мѣръ. Въ то время многіе русскіе хозяева начали вводить у себя англійскіе способы удобренія земли. Нововведеніе это не замедлило возбудить недо-вѣріе въ другихъ; началось толки и споры. Однимъ изъ самыхъ жар-кихъ приверженцевъ англійскаго земледѣлія былъ знаменитый въ свое время хозяинъ — Дмитрій Марковичъ Полторацкій. Мы не имѣемъ біо-графіи этого замѣчательнаго человѣка и потому не лишнимъ считаемъ привести современное о немъ извѣстіе, въ которомъ сквозь высокопар-ныя фразы легко видѣть сущность дѣла: «Некоторые изъ почтенныхъ здѣшнихъ экономовъ (говоритъ неизвѣстный авторъ статьи: *Успѣхи земледѣлія по Калужской Губерніи*) вводятъ съ желаемымъ успѣ-хомъ въ употребленіе англійское земледѣліе. Изъ числа таковыхъ лю-бителей земледѣлія прославился здѣсь извѣстный въ отечествѣ нашѣмъ экономъ г. Пол...кій, который выписываетъ изъ Англіи искусныхъ въ семъ дѣлѣ людей для введенія совершенной англійской агрикультуры. Сей благонамѣренный сынъ отечества, желая распространить въ Россіи лучший и легчайшій способъ обработыванія полей, вновь выписалъ двухъ искусныхъ ⁽²⁰⁾ англійскихъ земледѣльцевъ съ тѣмъ, чтобъ сіи безъ всякой платы обучали желающихъ учиться. Всякой хозяинъ можетъ по-сылать къ нему одного изъ учениковъ для наученія сего только нуж-наго искусства. Его село Авчурно, отстоящее отъ Калуги въ 13 вер-стахъ, показываетъ образецъ порядка, опрятности пашни и скотоводства. Это есть священный храмъ елевзійской Цереры. Успѣхи земледѣлія до-вели до толикой степени, что въ теченіе лѣта крестьянинъ съ плу-гомъ на двухъ хорошихъ лошадяхъ, сверхъ уборки сѣна и хлѣба, легко обработать можетъ садовымъ образомъ до 40 казенныхъ десятинъ. Земли свои уваживаетъ обыкновеннымъ навозомъ, и болѣе мергелемъ, коего здѣсь довольное находится количество ⁽²¹⁾».

Растопчинъ посылалъ къ Полторацкому нѣсколько человѣкъ для обу-ченія и велъ съ нимъ переписку; но она продолжалась, кажется, не-

(20) Статья, изъ которой мы беремъ это извѣстіе, напечатана въ 1804 году.

(21) Урація (періодическое изданіе. Вторая четверть 1804 года. Въ Калугѣ) стр. 58—60.

долго. Мы пишемъ три письма графа къ Д. М. Полторацкому, которыя и приводимъ ⁽²²⁾.

«Отъ 27 апрѣля, с. Вороново.

«Милостивый Государь мой Дмитрій Марковичъ !

Полученныя мною въ одно время два ваши письма доставили мнѣ двойное удовольствіе, и изъявъ вамъ мою признательность за общаніе открыть мнѣ посланнымъ экономическимъ ученикамъ все тайны вашего усерднаго обработыванія земель, прошу принять въ извиненіе объясненія на счетъ чести *Gentleman* ⁽²³⁾. Я нечаянно провелъ шесть дней въ Москвѣ по межевому моему дѣлу и видѣлъ тутъ Щенотьева, который чрезвычайно-доволенъ вашимъ англичаниномъ и увѣрялъ меня, что ему дѣла лѣтъ на пять будетъ. Молотильную машину я весьма желаю имѣть; но какъ же ее поставить? Мнѣ хочется видѣться съ этимъ англичаниномъ для полученія плана на строеніе; а вы меня очень бы одолжили, когда бѣ доставили вашу, изъ коего бѣ можно видѣть весь размѣръ, то-есть, на сколькихъ саженьяхъ должны быть овины, и что занимаетъ средина съ машиною. Да не можно ли доставить мнѣ тѣхъ землеконовъ, которые у васъ копали, и написать, по чему вы платили за десятину. Я не думаю, чтобы вы за правду удивлялись послѣдствіямъ слѣдствія Державина; вы слишкомъ умны, опытны и довольно живете въ семъ распутномъ свѣтѣ, чтобы себя увѣрить одинъ разъ навсегда въ неоспоримой несчастной истинѣ: деньги нужны честному для пріятной жизни, а безчестному для сохраненія жизни. Прощайте. Вотъ я пользуюсь въ преисподнюю, а должно все быть на поверхности. Жеребять у меня здѣсь пять и много общаются; но неизвѣстно, что сдержатъ. Я поѣхалъ черезъ три ѣды на 8 дней въ Петербургъ для свиданія съ г. Головиннымъ, который отъѣзжаетъ въ чужіе края. Но какъ нынѣшнее лѣто мнѣ проводить поцыгански, все въ ѣздѣ, то я надѣюсь быть и у васъ, и подобно школамъ древнихъ мудрецовъ почерпнуть въ вашей частъ изъ тѣхъ знаній, которыя вмѣсто благодарности надѣлали вамъ завистниковъ и конечно не обогатили и васъ самихъ. Прощайте. Пользуйтесь свѣжимъ воздухомъ: это лучшее лекарство отъ физическихъ и моральныхъ припадковъ; о семъ свидѣтельствуется тотъ, который съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашъ, милостиваго государя моего,

покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Растопчинъ

⁽²²⁾ Письма эти, полученные нами отъ С. Д. Полторацкаго, относимъ мы къ 1803 году.

⁽²³⁾ Здѣсь опускаемъ мы неслободитное мѣсто о *Gentleman*, одной изъ лошадей графа.

«Отъ 16 сентября с. Вороново.

«Письмо ваше и вложенное къ Николаю Петровичу имѣлъ честь почить. Во время возвращенія вашего приведенъ ко мнѣ жеребецъ столь хорошихъ статей для Ливенскаго моего завода, что я рѣшился его туда отправить и для сего считаю излишнимъ пріобрѣтеніе двухъ чалыхъ египетскихъ: прилагаю при семъ письмо, по коему я могъ ихъ получить, увѣренъ былъ, что условіе, или, лучше сказать, предложеніе ваше останется безъ исполненія. Наконецъ правосудіе получило за себя страпачаго въ особѣ Гаврила Романовича; боюсь только, чтобъ онъ не поступилъ на военную руку, хоть и не дурило бы большую часть гражданскихъ аркибузировать. Я надѣюсь скоро васъ видѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ и показать новыхъ скотовъ, съ Битюга приведенныхъ. Въ ожиданіи же прощайте и вѣрьте, что я навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть и проч.

«24 ноября, с. Вороново.

«Благодарю еще васъ за наученіе двухъ моихъ крестьянъ. Если на дѣлѣ они все то будутъ дѣлать, что знаютъ на рѣчахъ, то они могутъ почестъся весьма-понятными. Одного изъ нихъ въ сопровожденіи столара отправляю къ вамъ для снятія лекалъ съ плуга, съ распахной сохи и боронъ. Вы очень бы меня одолжили, прилавъ хоть на время одинъ плугъ для лучшаго образца кузнецу; лѣсъ на все сіи орудія приготовленъ и сушится. Я получилъ письмо отъ Смирнова, гдѣ онъ пишетъ, что поѣхалъ къ *Arthur Young* для совѣтованія съ нимъ и пріисканія извѣстнаго искусствомъ и опытностію фермера. *Young* изъ сего дѣлаетъ государственное дѣло и заключаетъ въ особѣ фермера честь аглицкаго хлѣбонашества, и не хочетъ ударить себя лицомъ въ грязь. Многіе аглицкіе молодые хлѣбонашцы, узнавъ, что здѣсь начинаютъ вводить образъ ихъ сѣянія и удобренія земли, отправляются, и два ужъ, называемые *Cotton* и *Pretgmann* пріѣхали въ Петербургъ. Между прочими выгодами, кои я надѣюсь получить отъ своего фермера, полагаю и то, что вы въ путешествіяхъ вашихъ въ столичный градъ лишній день у насъ пробудете и дадите нашей работѣ то же вниманіе, кое привлекъ Рожерсъ, министръ торговли. Заводъ мой лошадиный прибавляется. Прощайте. Когда поѣдете въ Москву, то не минуйте покорнаго вашего слугу гр. Ф. Растончина».

Даже и въ способахъ удобрять землю Растончинъ остался русскимъ человекомъ и возсталъ противъ англійскаго земледѣлія; отсюда, кажется, произошла и размолвка его съ Д. М. Полторацкимъ. Онъ писалъ къ Циціанову (отъ 30 сентября 1803 г.) «Погода у насъ хорошая

и мы спѣшимъ воспользоуаться послѣднимъ временемъ, дабы нагуляться, да и къ веснѣ приуготовить землю. Между посѣтителами моей особы и нашихъ былъ Полторацкій, который, по естественной перемѣнѣ ко всему, потерялъ вкусъ къ хлѣбопашеству и говорилъ, что, кромѣ плуговъ, все прочее пустое и игрушка. Онъ влюбился въ барбарскаго моего жеребца Драгута, который, два года назадъ, приведенъ изъ Царяграда отъ Юсуфъ Аги. Прошлаго года онъ былъ въ другомъ состояніи, но Полторацкій давалъ мнѣ за него двухъ жеребцовъ, цѣною тысячи въ три, однакожь я отказалъ, сказалъ настоящую причину, за что до слезъ огорчилъ своего англичанина коновала, который думалъ, что обмануть лошадыю есть право людское».

«Я собираюсь праздновать Катериининъ день (пишетъ Растопчинъ отъ 18 ноября) и дамъ старшинъ въ домахъ крестьянамъ и бабамъ обѣдъ и по серебряному рублю. Противъ моего заведенія вооружились крѣико Полторацкій, Румянцова фермеръ и всѣ члены машинной кампаніи, которая рушилась оттого, что они подали планъ заведенія, но ничего не могли сдѣлать оттого, что до-сихъ-поръ не имѣютъ машиниста».

Растопчинъ не раздѣлялъ пристрастія Полторацкаго къ плугу и въ 1806 году напечаталъ брошюру «Плугъ и Соха», въ которой старался доказать превосходство сохи, или прежняго способа обрабатыванія земли. Эта книжка, изданная безъ имени автора ⁽²⁴⁾, была первымъ изъ напечатанныхъ произведеній графа Растопчина. Немногимъ былъ извѣстенъ настоящій авторъ брошюры; ее приписывали кн. Дашковой ⁽²⁵⁾,

⁽²⁴⁾ Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: «Плугъ и Соха», писанное степнымъ дворяниномъ, М. 1806. Въ Универ. тип. На заглавномъ листѣ эпитафъ: *Отцы наши не глупѣй насъ были.*

⁽²⁵⁾ Евгенія, «Словарь Русскихъ Свѣтскихъ Писателей» (М. 1845 г.) ч. I., стр. 159. Энциклопедическій Лексиконъ (1837 г.) ч. XV, стр. 391. Эти указанія совершенно-ошибочны, потому-что эпитафъ брошюры не имѣетъ никакого отношенія къ Дашковой, а между-тѣмъ, онъ явно указываетъ на автора книжки. Только г. Сушковъ приписывалъ брошюру гр. Растопчину, прибавляя, въ видѣ поясненія, слѣдующія слова: «Это произведеніе вызвано, можно полагать(?), англоманами, какъ называли въ 1814—1820 годахъ(!) агрономовъ, надъ которыми, однако, теперь ужъ не смѣются». «Драматическій Альбомъ», изд. Арапова и Роппольта (М. 1830), стр. 45. Какимъ образомъ книжка 1806 года могла быть вызвана англоманами 1814—1820 годовъ? Въ «Отеч. Зап.» прошлаго года (№ 8, Отд. V, стр. 84) сказано было о «Плугѣ и Сохѣ»: «Мы не рѣшаемся признать эту брошюру сочиненіемъ Растопчина, хотя она и въ его духѣ написана: въ ней упоминается о самомъ Растопчинѣ, какъ онъ не сказалъ бы о себѣ, и, главное, не его слогъ въ этомъ сочиненіи, написанномъ вяло, тогда-какъ въ каждой страницѣ Растопчина блещетъ

хотя эниграфъ, напечатанный на оборотѣ заглавнаго листа, прямо указывалъ на Растопчина :

Поболѣ другаго я по свѣту шатался,
Ученіемъ, людьми, вещами занимался,
И оттого, что въ Россіи долго жилъ,
Узналъ всю цѣну ей и больше полюбилъ.
Какъ сынъ, я преданъ ей и сердцемъ и душой,
Служилъ въ войнѣ, въ дѣлахъ, теперь служу съ сохой.
И пользы общества всегда былъ вѣрный другъ,
Хочу увѣрить въ томъ, и возстаю на плугъ.

Все обстоятельства, переданныя эниграфомъ, вполнѣ примѣняются къ Растопчину . онъ дѣйствительно долго путешествовалъ, дѣйствительно «узналъ всю цѣну Россіи» и потому такъ настойчиво преслѣдовалъ французовъ и «французолобцевъ», «служилъ въ войнѣ (турецкой) и дѣлахъ», а въ 1806 году служилъ съ сохой. На введеніе английскихъ приѣмовъ обработыванія земли Растопчинъ смотритъ, какъ на капризъ, истекающій отъ страсти къ новостямъ. «То, что содѣлалось въ другихъ земляхъ вѣками и отъ нужды (говоритъ онъ), мы хотимъ посреди изобилія у себя завести въ годъ. Единственно по склонности къ новостямъ и въ подражаніе чужестраннымъ, по множеству переимѣнъ въ одеждѣ, въ строеніи, въ воспитаніи, даже и въ образѣ мыслей. Теперь проявилась скоропостижно мода на английское земледѣліе, и англійскій фермеръ столько же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французской эмигрантъ, италіанскія въ домахъ окна, и скаковыя лошади въ запряжку. Хотя и русской и

умъ, льется черезъ край чувство и языкъ отличается новостью и силою чисто-русскихъ оборотовъ». Эти доводы едва-ли основательны. Для сельскаго хозяина главное доказательство годности или вреда какого-нибудь нововведенія дается опытомъ: почему же бы Растопчину не сослаться на факты, которые давало ему его хозяйство? Слогъ брошюры также не можетъ служить опорой высказанному мнѣнію, потому-что предметъ сочиненія какъ-то не поддается живому, блестящему изложенію; еще менѣе можно требовать, чтобъ въ сельско-хозяйственномъ трактатѣ «лилось черезъ край чувство». Мы имѣемъ наконецъ положительное доказательство, что брошюра, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ гр. Растопчину. Въ числѣ бумагъ графа, сообщенныхъ намъ сыномъ его Андреемъ Оеодоровичемъ, находится и статья о «Плугѣ и сохѣ»: болѣею-частью писана она рукою самого Растопчина и вся вообще направлена имъ. Въ печатной брошюрѣ нѣтъ никакихъ отступленій отъ рукописи, только въ заглавіи сперва поставлено было: «писано степнымъ дворяниномъ на Селянскъ въ отвѣтъ».

сердцемъ и душою, и предпочитаю отечество всеѣмъ землямъ безъ изъятія; не изъ числа однакожь тѣхъ, которые, отъ упрямства, предразсудковъ и самолюбія, пренебрегаютъ вообще все иностранное и доказательства отражаютъ словами: *пустое, вздоръ, негодится*. Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ тѣмъ, кои прославляютъ англійское земледѣліе, выставяя выгодную лишь часть онаго, доказать, что сколь англійское обработываніе земли можетъ быть выгодно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, столь безнолезно, или, лучше сказать, невозможно всемѣстно для Россіи въ теперешнемъ ея положеніи» ⁽²⁶⁾. Авторъ довольно-ловко старается доказать, что все блестящія обѣщанія, которыя соблазняютъ русскихъ хозяевъ, совершенно несполнимы при условіяхъ нашей жизни и климата; онъ признаетъ только выгоды механической части англійскаго хлѣбопашества — молотильни и нѣкоторыхъ орудій. Не намъ судить о томъ, на сколько вѣрны выводы Растопчина и каковы достоинства его брошюры; но мы не могли обойти его сельскохозяйственный трактатъ по многимъ причинамъ. На него должно обратить вниманіе ужъ и потому, что это первое изъ напечатанныхъ произведеній графа. Уже въ немъ видимъ зародыши того направленія, которое послѣ такъ широко развернулось. По своей страстной природѣ, Растопчинъ привязывалъ свои симпатіи даже къ такимъ предметамъ, каковы земледѣльческія орудія.

Споры о плугѣ и сохѣ волновали довольно-долго нашихъ агрономовъ, не разъ обнаруживались въ литературѣ и въ нихъ принимали участіе такіе люди, какъ Растопчинъ, Дашкова ⁽²⁷⁾, Крыловъ. Озлобленіе на французовъ, возбужденное войною съ ними, нечувствительно сообщило литературнымъ толкамъ о настоящемъ вопросѣ. Если Растопчинъ приступаетъ къ англійскому хлѣбопашеству, какъ къ модной новості, занявшей многихъ; если на примѣненіе его къ условіямъ нашего климата и быта смотритъ онъ такъ же, какъ на воспитаніе русскихъ французскими гувернёрами, то и Крыловъ, по самой природѣ своей нетерпѣливый теоріи, не чуждъ подобнаго же взгляда на англійское хлѣбопашество, хотя онъ, разумѣется, и не думалъ объ опытахъ, а просто преслѣдовалъ его, какъ иностранца. Въ комедіи «Модная лавка» ⁽²⁸⁾ Сумбурова

⁽²⁶⁾ «Плугъ и соха», стр. 5—6.

⁽²⁷⁾ Какая именно брошюра о «Плугѣ и Сохѣ» принадлежитъ Дашковой—мы не знаемъ. Можетъ-быть, ею было написано «Мнѣніе о плугѣ и сохѣ» (Спб. 1807). Сошниковъ называетъ авторомъ этой книжки какого-то Н. Т. (ч. III. № 6248), хотя на самой брошюрѣ нѣтъ этого указанія.

⁽²⁸⁾ Напечатана въ первый разъ въ 1807 году.

такъ расписываетъ нареченнаго жениха своей дочери : «Зятюшка-то мой, г. Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье; онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужъ нѣчего сказать, ученый человѣкъ, да и экономя какой! И теперь, для экономіи, остался въ деревнѣ; знаешь, все на иностранній манеръ, и стѣтъ и жнетъ все по нѣмецкому календарю; да полно земля-то у насъ такая дурацкая, что когда ему надобно лѣто, тутъ-то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень — разореніе да и все тутъ» ⁽³⁹⁾. Въ то самое время, когда толки о «Плугъ и сохъ» были въ большомъ ходу, когда они были предметомъ журнальных статей, когда являлись попытки устранить нѣкоторыя неудобства англійскаго плуга въ русскомъ хозяйствѣ ⁽⁴⁰⁾, въ то самое время Крыловъ написалъ басню «Огородникъ и Философъ» ⁽⁴¹⁾, въ которой осмѣивалъ излишнее увлеченіе теоріею и пренебреженіе живыми опытами, которые представляетъ самое хозяйство. Въ этомъ отношеніи Крыловъ совершенно сходится съ Расточиннымъ, который совѣтовалъ желавшимъ убѣдиться въ истинѣ его доказательствъ «поправить своимъ имѣніемъ, поѣздить по Россіи, посмотреѣть хорошенько и поговорить съ бородами, въ конхъ столько же ума, сколько и здраваго разсудка» ⁽⁴²⁾. Такое же нравоученіе можно вывести и изъ басни Крылова : огородникъ совѣтуетъ философу припаяться за дѣло ; но тотъ отвѣчаетъ, что «не взрылъ грядъ за недосугомъ :

Я все читалъ,

И вычиталъ,

Чѣмъ лучше : заступомъ ихъ взрыть, *сохой или плугомъ?*

Философъ гонялся за нововведеніями, теоріею; онъ

Читалъ, выписывалъ, справлялся,

И въ книгахъ рылся и въ грядяхъ,

Съ утра до вечера въ трудахъ.

Едва съ одной работой сладить,

Чуть на грядяхъ лишь что взойдетъ :

Въ журналахъ новость онъ найдетъ —

⁽³⁹⁾ Сочиненія Ивана Крылова, ч. III, стр. 311.

⁽⁴⁰⁾ См. статью «О новопозобрѣтенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ» въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г., ч. V, стр. 29—32. Авторъ «пустился на опыты съ тѣмъ, чтобъ переладить англійскій плугъ на подобіе русской сохи» и позобрѣлъ русскій одноконный плугъ.

⁽⁴¹⁾ Напечатана въ первый разъ въ 1811-мъ году, въ книжкѣ «Новыя басни Ивана Крылова (Спб. Въ тип. Губерн. Правленія. 1811). стр. 27.

⁽⁴²⁾ «Плугъ и соха», стр. 43.

И все взроетъ, пересадитъ.
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У огородника взошло все и поспѣло;
Онъ съ прибылью — и въ шляпѣ дѣло;
А философъ —
Безъ огурцовъ.

Показавъ отношеніе этой басни Крылова къ вопросу, занимавшему многихъ въ то время, не можемъ не замѣтить, что въ произведеніяхъ Растопчина и баснописца попадаетея очень-много общихъ чертъ, и въ самомъ взглядѣ ихъ на дѣло довольно общаго. Ниже увидимъ, что въ комедіяхъ Крылова осмѣиваются тѣ же стороны русскаго общества, которыя преслѣдуетъ и авторъ «Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» и «Вѣстей».

Еще въ 1803 году, въ письмѣ къ Циціанову, Растопчинъ безъ особеннаго сочувствія отзывается о плугѣ и англійскомъ хлѣбопашествѣ вообще; но только въ 1806 году рѣшился онъ печатно высказать о немъ свое мнѣніе. Въ эти годы онъ болѣе занимался сначала сборами за границу, а потомъ воспитаніемъ дѣтей, судя по письмамъ его къ Циціанову, къ которымъ мы снова обращаемся.

«2-го декабря (1803), с. Вороново.

«Опять ты замолкъ; хорошо, что на прошедшей недѣлѣ кн. Д. Е. Циціановъ получилъ отъ сына письмо, гдѣ онъ пишетъ, что ты хоть несоветѣмъ здоровъ, но и не боленъ. Я печально четыре цѣлые дни былъ въ весьма-непріятномъ и затруднительномъ положеніи. Небольшій, съ коимъ я счею знакомъ и который мнѣ большія оказываетъ услуги, занемогъ спазмами, кои, расслабя его старое и обветшалое тѣло, довели до опасности, коя еще больше усилилась отъ рвоты геморроидальной крови. Жена прислала ко мнѣ курьера, чтобъ я какъ-можно скорѣе пріѣхалъ, что мужъ умираетъ и желаетъ меня видѣть. Я прискакалъ ночью и, пробывъ четыре дня у нихъ въ домѣ, былъ свидѣтелемъ самыхъ трогательныхъ явленій. Жена сходила отъ отчаянія съ ума; онъ оказывалъ твердость духа необычайную; люди въ отчаяніи. Ф. разсердился, увидя тутъ Крафта, коего больноі хотѣлъ видѣть и о пріѣздѣ бывъ Ф. предувѣдомленъ, сказалъ Небольсиной: *qu'il ne remettra plus les pieds dans sa maison* и на ея замѣчаніе, что мужъ отъ сего умретъ, изволилъ сказать: *Il n'a qu'à mourir et alors je viendrai*. Ей сдѣлались конвульсіи; а мать публика нашла, что Ф. обиженъ, и что все сіе происшествіе выдуманное. А, ей-Богу, дубину

Петра Великаго рано въ Кунсткамеру отнесли... Мы все здоровы. Я всегда въ большихъ хлопотахъ отъ управленія имѣніемъ, отъ пріискиванія гувернёра для Сережи»...

Письмо отъ 20-го января (1804 г.) оканчивается такимъ образомъ:

«Я теперь занимаюсь пріуготовленіями строить весною ферму и завести хорошую породу коровъ. Патерсонъ мой часъ-отъ-часу болѣе мнѣ правится. Мы готовимъ въ прибавокъ къ 8 плугамъ еще 10 и запашемъ славно. Я очень радъ, что самолюбіе съ нѣкоторою платой дѣйствуетъ надъ здѣшними крестьянами; а все сіе зависить отъ нестрой рубашки и сапогъ. Надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ много будетъ, что тебѣ показать, и за многое похвалишь. До того прощай. Ты у меня предъ глазами и твой портретъ надъ моимъ писальнымъ столомъ виситъ противъ глазъ съ боку женнина портрета.

«Отъ 4 февраля, с. Вороново.

«Слава Богу — слава и тебѣ — не за то, что ты безъ артиллеріи взялъ азіатскій Гибралтаръ, не за то, что къ чести побѣдителей Очакова и Измаила присоединилъ взятіе Ганжи, но за то, что просьба твоя и гласъ души благородной и сердца чувствительнаго обнялъ духъ солдатъ и, вмѣсто звѣрства, вселилъ въ нихъ человеколюбіе... Если бы ты былъ, когда я читалъ твое письмо и реляцію, то бы увидѣлъ, знаю ли я тебя и умѣю ли понимать. Слезы упали бы на твое лицо, либо на руку; но я надѣюсь, что мы въ жизни будемъ еще имѣть много случаевъ утѣшать и заставлять плакать другъ друга... Сергуша сестрамъ далъ праздникъ; у нихъ есть маленькая настольная иллюминація, и твое имя освѣщено было плошками изъ грецкихъ орѣховыхъ скорлупъ, налитыхъ воскомъ; я отпѣлъ молебенъ; теперь остается тебѣ быть здоровымъ. Мы все здоровы; безъ непредвидѣннаго какого-либо случая, я надѣюсь до марта изъ моего Воронова не тронуться. Я всегда возвращаюсь изъ Москвы въ огорченіи отъ видѣннаго и слышаннаго: развратъ достигъ до тѣхъ людей, кои почитались степенными. Мнѣ новыя хлопоты. Посѣщая въ бытность мою въ Москвѣ несчастную Небольсину, имѣлъ я тутъ перѣдко случаи видѣться, говорить и спорить съ княгинею Дашковою; что жъ изъ сего вышло? Она отъ меня безъ памяти, пишетъ и я долженъ отвѣчать, читать у ней все важныя переписки, а она кетати и некетати кричитъ, что она въ своей жизни нашла лишь трехъ человѣкъ, кои дѣлаютъ честь людямъ: Фридриха Великаго, Дидерота и меня. Однако ты не думай, чтобы я возгордился. Ея похвала и ядъ и лекарство. — Прости, другъ, побѣдитель Ганжи. Когда учредишь все, успокоишь войска, призришь плѣн-

ныхъ, напитаешься честію, свариишь похвалы и наплюешь на зависть, тогда подумай, что я охотникъ, хотя и въ отставку, до

Animal guerrier, qu'enfanta le Trident».

Въ письмѣ отъ 28-го февраля Растопчинъ съ большимъ безпокойствомъ извѣщаетъ Циціанова объ опасной болѣзни доктора, своего Крафта.

«Мы все (пишетъ онъ) въ большомъ безпокойствѣ, по случаю тяжелой болѣзни Крафта. Онъ простудился и, не поправясь, началъ выходить, и теперь лежитъ въ пелерзинъ, и несмотря на вторичное пусканіе крови, лекарства и потъ, часъ-отъ-часу становится слабѣе и хуже. Ты знаешь человека, его искусство, привязанность къ намъ и легко представишь себѣ, каково мое и женينو положеніе. Всякій человекъ претерпѣвать долженъ свои несчастія въ семь свѣтѣ; но потеря сія будетъ весьма для меня трудна. Можно иногда, имѣя причины, утѣшать себя въ потерѣ человека, коего считалъ долго другомъ и въ коемъ ошибся; но лишиться почтеннаго, нужнаго и умнаго человека, который часъ отъ часу становился дороже и сыскалъ мѣсто въ душѣ — это тяжело. Но во всемъ воля Божія; а мы, забывая часто, что мы прахъ, минимъ быть безсмертными. Прощай. Богъ съ тобою.

«Поздравляю тебя съ новыми успѣхами. Мнѣ лестно то, что другъ мой на дѣлѣ исполняетъ то, что и почиталъ своимъ мечтаніемъ и невозможнымъ. Я положилъ начало на бумагѣ, а ты на землѣ: одно ничего не значить, а другое важно и славно. А конецъ обѣимъ одинъ — отставка и покой, если Богу угодно.»

«Отъ 9-го марта, с. Вороново.»

«Последнее письмо твое насъ очень тронуло; но я и самъ теперь утѣшать не въ состояніи, а дорого бы далъ, чтобъ ты былъ здѣсь и отеръ слезы, которыя льются изъ глазъ пятый день, какъ я лишился почтеннаго своего Крафта. Онъ въ девятый день послѣ самой мучительной болѣзни и мукъ нестерпимой, окончилъ жизнь свою, посвященную единственно на пользу человечества. Мы съ женою оплакиваемъ его, какъ друга и самонужнѣйшаго человека для жизни нашей. Хотя я тотчасъ писалъ ужь въ Петербургъ и, можетъ-быть, скоро оттуда и будетъ какой-нибудь докторъ, но можетъ ли тотъ походить искусствомъ, душою и привязанностью на почтеннаго Крафта? Это пропешествіе столь сильно меня встревожило, тѣмъ болѣе, что жена ему обязана была здоровьемъ, а Сережа жизнью, что я, помышляя единственно о ихъ здоровьѣ, принялъ намѣреніе продать пышное свое Вороново, сохранить свои доходы и, приведя въ порядокъ дѣла, ѣхать будущею весною на нѣсколько лѣтъ на житье въ такое мѣсто, гдѣ, въ тепломъ климатѣ, и

найду все способы къ спокойствію и къ воспитанію дѣтей. Я посылаю письмо къ Г. К., полагая, что государь лучше и удобнѣе пріобрѣтенія сдѣлать не можетъ для заведеній, кои ужь есть и могутъ остаться. Жена не очень здорова, а я, въ страхѣ на счетъ ся и дѣтей, пораженъ кончиною сего достойнаго чловѣка, который на рукахъ у меня умеръ. Утѣшая несчастную его вдову и 7 дѣтей, самъ не могу еще придти въ себя и очень нездоровъ. Прощай и вѣрь, что дружба твоя и жизнь суть двѣ важныя вещи въ моемъ положеніи теперешнемъ и будущемъ».

«Отъ 50 марта, с. Вороново»

«Давно, любезный другъ, не имѣлъ отъ тебя писемъ и тѣмъ болѣе беспокоюсь, что въ Москвѣ дѣлають всякія глупыя разглашенія на счетъ побитыхъ полковъ въ Грузіи, молодаго В., ограбленнаго горцами, раненаго и потомъ умершаго въ пропасти среди горъ. Я Москвѣ не больше вѣрю, какъ К. или К. Ц., но нельзя не беспокоиться, зная, что есть возможность быть всему на свѣтѣ. Я къ тебѣ писалъ на другой день послѣ случившагося у насъ несчастія. Я до-сихъ-поръ не могу привыкнуть къ смерти почтеннаго этого Крафта. Жена же его участвовала очень въ непріятномъ его положеніи, скучая жизнью деревенскою и привыкнувъ глазѣть въ Петербургѣ, куда она при первой возможности и возвращается. Хотя мнѣ ни искусства, ни дружбы Крафта не найти, но и до сентябрю безъ доктора жить съ семьей въ деревнѣ не возможно, и я, нашедъ въ Москвѣ одного Эндемуса, который былъ главнымъ докторомъ при полкахъ гвардіи, уговорилъ его быть здѣсь до отъѣзда нашего въ Москву. Я ужь къ тебѣ писалъ, что намѣреніе наше есть ѣхать въ чужіе края въ маѣ 1805 года. Причины мои: здоровье жены, Сергуши и мое спокойствіе и желаніе заплатить долгъ, коего 306,000. Если я останусь здѣсь, то общпріное Вороново съ развалинами своимъ унесетъ у меня большую часть дохода, не принося мнѣ ничего, а выѣхавъ изъ него съ домомъ и выведя вонъ конекій заводъ, я навѣрно получу отъ 25 до 30 тыс. дохода ежегодно. Я теперь жду отвѣта отъ К., къ коему писалъ, негодно ли государю купить Вороново за 350 тыс. р., хогь оно съ прикупомъ у Зиновьева деревни и издержекъ, стоитъ мнѣ 372 тыс. Тогда бы я былъ квитъ съ долгами и еще имѣлъ бы нѣсколько своего капитала, и эта мысль меня всегда очень тревожитъ, когда подумаешь, что жена можетъ остаться и съ долгами, и съ безпокойствомъ, не имѣя никакого понятія ни о управленіи имѣніемъ, ни о плутовствахъ людскихъ, коимъ она неохотно и вѣрить. Но продамъ ли я или нѣтъ Вороново, а все въ сентябрѣ переѣду въ Москву и тамъ, приведя свои дѣла въ порядокъ, дождусьма я

и поѣду. Я еще не рѣшенъ на мѣсто нашего пребыванія, а думаю больше, что годъ пробуду въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ по близости всѣхъ водъ и теплицъ могу заняться леченіемъ, а тамъ, если обстоятельства позволяютъ, то поѣду на нѣсколько лѣтъ въ Швейцарію, и съ благословенною своею семьей, съ книгами и самъ съ собою могу надѣяться быть счастливымъ. Въ судьбѣ моей есть нѣчто странное: я имѣлъ даръ Божій найдти трехъ друзей, но ни съ однимъ навѣрно не могу дѣлить время: ты въ службѣ, гдѣ полезенъ отечеству и человечеству, Головинъ въ Парижѣ, на долго и всегда будетъ занятъ женою и мною, Н. убитъ своимъ состояніемъ и бѣгаетъ, противъ своего желанія, людей. Слѣдственно, здѣсь ли я, или въ другомъ мѣстѣ, друзья мои будутъ единственно въ душѣ моей, а я въ ихъ. Ты изъ газетъ увидишь, въ какомъ критическомъ положеніи Англія. Еслибъ король умеръ, то бы и замѣшательства не было; но онъ опять съ ума сошелъ и должно будетъ поставить или регента, или совѣтъ для управленія. Сія эпоха, можетъ быть, переломъ счастія англійской политики, которая грабитъ и кричать не велитъ. Вѣрно бы Питтъ не заключилъ въ Амьенѣ мира, а заключа, не началъ бы такъ скоро опять войны. Бонапарте все завидуютъ, но онъ никому счастія не сдѣлалъ, и все тѣ, кои собираются за деньги его убить, помышляютъ слишкомъ много о своей безопасности, дабы воспользоваться награжденіями за убійство. Жаль, что Моро тутъ замѣшался, не доволенъ ролею премудраго перваго генерала, а захотѣлъ въ первые консулы. Судя по многимъ изъ тѣхъ, кои пріѣхали изъ Англіи убивать Корсиканца, Витвортъ, коего звали *homme loyal*, вѣрно руководствовалъ симъ невиннымъ замысломъ. Я ничего гнуснѣе правль аглицкаго министерства не знаю, а между глупыми привычками въ людяхъ говорятъ *honnête comme un Anglais*. Прощай. Богъ съ тобой. Жена тебѣ кланяется; дѣти, кромѣ Наташи, здоровы, а она немного простудилась; я и самъ въ сильномъ ревматизмѣ и съ недѣлю не могъ встать. Весна открылась, но снѣгъ еще не сошелъ оттого, что дождя нѣтъ, а ясное небо и ночью бываетъ холодно. Прощай, мой другъ.»

«Отъ 5 мая, с. Вороново.

«Опять три почты отъ тебя писемъ нѣтъ; слѣдственно, двѣ недѣли началось опять безпокойство на твой счетъ. Иногда, несмотря на дальнія выгоды отъ присоединенія Грузіи, я сержусь на себя за то, что, постигнувъ дѣло сіе, какъ надлежало, совершилъ; но всего придумать нельзя, и если я теперь безпокоюсь о тебѣ, что ты среди безпокойствъ и неудовольствій всегда подъ пулею и стрѣлою, то нельзя предвидѣть

было и того, что ты бы могъ и въ другомъ мѣстѣ, и безъ непріятелей быть всегда въ опасности отъ каверзовъ и мерзостей сыновъ человеческихъ. Хочется и для тебя, и для себя, чтобы ты, оконча столь же славно, какъ началъ, возвратился на покой, но и въ семъ сомнѣваюсь. По всему не пройдетъ годъ безъ войны чрезвычайной. Можно смотрѣть хладнокровно на нѣкоторые происшествія; но есть такія, что равнодушіе влечетъ за собою бѣдство и позоръ. Я получаю извѣстіе сейчасъ, что въ Петербургъ пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о принятіи Бонапартомъ титула императора Галловъ и короля италійскаго. Женеу онъ свою отрѣшилъ, уничтожа бракъ, и женится на вдовствующей королевѣ этрурской съ тѣмъ, что въ случаѣ его бездѣтія, сынъ отъ перваго ея брака будетъ наслѣдникъ Бонапартовъ. Примѣть, что самъ возвращаетъ онъ Французамъ форму перваго ихъ правленія, приуча ихъ къ своему самовластію, присоединяетъ къ страшной французской силѣ и королевство Этрурское и возводитъ по себѣ отрасль бурбонскую на французскій престолъ, оба королевства Этрурскія — дочь короля гиспанскаго. Мнѣ то смѣшно, что люди не признаются никогда въ ихъ сумасшествіи, и стоило ли жизни близъ двухъ милліоновъ людей, потрясенія всѣхъ властей и произведенія непонятныхъ варварствъ и безбожія то, чтобы сдѣлать изъ шхотнаго капитана императора и короля? Последнее письмо твое меня тронуло; но ты согласишься со мною, что причины мои отъѣзжать въ чужіе края весьма сильны. Жена очень разстроена здоровьемъ и поддерживаетъ себя порядочною и спокойною жизнію. Сергуша слабъ и Наташа тоже съ прошлой зимы. Надежды и помощника нашего Крафта — нѣтъ, и мнѣ должно предупредить все, что въ волѣ человека быть можетъ. Если ты будешь въ отставку, то и тебѣ воды и бани худа не сдѣлаютъ, а плачь нашей тѣды совершенно пригодиться можетъ и тебѣ. Исключая времени, сколько мы съ тобою были вмѣстѣ въ-теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, ты жилъ въ деревнѣ, я въ Петербургѣ, потому я тебѣ смѣнялъ, а ты меня. Счастливъ я тѣмъ, что имѣю друга въ тебѣ, на коемъ остановится утѣшительная мысль, если бы я прежде тебя достигъ до часа смертнаго, и другъ мужа остался бы другъ жены почтенной и защитникъ сиротъ. Но когда бы обстоятельства твои позволили соединиться намъ и въ чужихъ краяхъ, то бы Россія была съ нами и въ отечества... Я продалъ костромскія деревни — 400 душъ за 55 тыс. и самъ расплачусь съ мелкими долгами... Вороново я не продаю; многіе желали купить его, но ни одинъ не рѣшился, кромѣ М., который хотѣлъ меня одолжить домомъ, картинами, мраморомъ и проч... У насъ была восемь дней несчастная Небольсина съ братомъ Николаемъ, который весьма тобою

восхищается; онъ, бывъ въ Неаполѣ и узнавъ о смерти брата, тотчасъ пріѣхалъ. Онъ уменъ, я думаю, честенъ, но воображеніе пылко и молодое и мѣшаетъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ.»

«Отъ 26 мая, с. Вороново.»

«Безпокойство мое часъ отъ часу прибавляется тѣмъ болѣе, что курьера отъ тебя нѣтъ и Богъ знаетъ, когда ты кончишь свои походы и занятія. Коль ни славна для твоей исторіи та минута, въ кою ты родилъ великій планъ, нынѣ въ дѣйствіе приводимый, столько же она и безпокойна и мучительна для меня и для тѣхъ, кои по моему тебя любятъ, зная сердце и душу. Я боюсь, что еще до 10-го числа будущаго мѣсяца пробуду, не получа отъ тебя письма; мнѣ пора и непремѣнно ѣхать должно въ воронежскія, а оттуда въ другія деревни, и я полагаю употребить на сіе обозрѣніе мѣсяць, слѣдственно я лишнюю недѣлю пробуду въ безпокойствѣ, доколѣ съ женными письмами получу и твое. Я теперь очень хлопочу, чтобы въ сентябрѣ сыскать домъ въ Москвѣ. Жена на 6 недѣль поѣдетъ зимою въ Петербургъ, а я долженъ заняться приведеніемъ всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, отъѣзжая въ маѣ на нѣсколько лѣтъ въ чужіе края, какъ для здоровья, такъ и для лучшей уплаты долговъ. Мы ѣдемъ не мотать и не веселиться, слѣдственно, избравъ пріятный городъ въ Швейцаріи или Франкфуртъ на Майнѣ, займемся воспитаніемъ милыхъ дѣтей и будемъ счастливы одинъ другимъ. — Мы здоровы и пользуемся самымъ прекраснымъ временемъ, кое продолжается болѣе мѣсяца. Хлѣбопашество мое въ совершенствѣ и съ нѣкоторымъ кокетствомъ въ отдѣлкѣ полей; озимый хлѣбъ отменный, а яроваго всякаго близъ 140 десятинъ посѣяно будетъ; ты бы вѣрно меня не упрекнулъ теперь, что я пренебрегаю сею почтенною частію хозяйства. Я весьма доволенъ своими шотландцами, и каждый изъ нихъ рвется лучше сдѣлать по своей части. — Теперь я боюсь еще кровопролитной войны. Питтъ опять входитъ въ министерство, а съ его умомъ, съ денежными пособіями и жаждою истребить Францію онъ затащитъ и сухія державы, чтобы изъ нихъ сдѣлать мокрыхъ куръ. Между тѣмъ Англія покорила весь Индостанъ подъ свое иго. Я дни черезъ три ѣду въ деревню къ княгинѣ Дашковой съ Авдотьей Селиверстовною Небольсною и съ братомъ ея Николаемъ Селиверстовичемъ. Прощай. Жена тебѣ кланяется, дѣти любятъ, а я, пока живъ, неизмѣнный другъ твой».

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12 іюня, с. Вороново) Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: «Письмо твое я получилъ въ одну изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, когда, бывъ здоровъ тѣломъ и спокоенъ духомъ, я былъ

среди богатаго поля, и тутъ, читая все, тобою писанное, вкусилъ удовольствіе, ничѣмъ неотравленное. Я благодарилъ всеми чувствами Бога и кончилъ тѣмъ, что возвратился въ свой благословенный домъ, смоча лицо слезами пріятными, сообщить извѣстіе о тебѣ женѣ, коей почтеніе и любовь ты вѣрно цѣнить умѣешь. — Бумаги твои, оставя съ нихъ списокъ, отослалъ къ зятю и надѣюсь видѣть ихъ въ Москвѣ; самъ я черезъ недѣлю ѣду въ дальнія деревни, и много стоитъ мнѣ разлучиться на мѣсяць съ милою семьею, но не хочется и запустить устроенныхъ уже заведеній. »

Въ концѣ письма Растопчинъ замѣчаетъ, что «если послѣднія происшествія во Франціи произведутъ войну, то мы принуждены будемъ отложить будущую весною поѣздку нашу въ чужіе края, по той причинѣ, что война должна быть всемістная и смѣшно будетъ, располагаясь ѣхать лечиться, изуродовать себя безпокойствомъ и страхомъ.»

«20 іюля, с. Козмодемьянское, 360 верстъ отъ Воронова.»

«Я здѣсь уже другой день и, пробывъ еще шесть, поспѣшу къ своимъ. Путешествіе мое до сихъ мѣстъ было самое возжелѣнное: хорошая погода, скорая ѣзда и пріятныя находки. Ёзда моя раздѣлилась на 5 частей. Оставя милыхъ моихъ въ 6 часовъ вечера, пріѣхалъ рано на другой день въ Калугу, гдѣ обѣдалъ у достойнаго таинственнаго губернатора Андр. Лавр. Львова; онъ занятъ единственно дѣлами: устройствомъ губерніи и химерою искорененія всемістно зла, т. е. воздуха въ атмосферѣ — дай Богъ ему успѣть! Потомъ, продолжая свой путь еще 50 верстъ, пробылъ въ Козельской деревнѣ, одной изъ тѣхъ, на кою ты совершалъ купчую. Тутъ ничего чрезвычайнаго не было, кромѣ устрашающей тучи, но все сіе кончилось просто дождемъ и темнота не во-время смѣнилась дневнымъ свѣтомъ, слѣдственно и трагедія сдѣлать не изъ чего. Въ этой деревнѣ, гдѣ не знали, что дѣлать съ лѣсомъ, пыльная рама, стоящая мнѣ единственно 320 р., пилитъ до 14,000 тѣсницъ и даетъ до 3000 руб. ежегодно дохода, не касаясь вовсе до крестьянъ. Отъѣхалъ еще 50 верстъ, почевалъ у вдовы, жены одного Пр., дяди Катерины Петровны и тутъ наѣхалъ въ городъ прѣ у городничаго, состоящій изъ 60 особъ или людей. Потомъ два дни пробылъ у того самаго Василья Ивановича Протасова, коего ты видалъ у насъ въ Москвѣ во время коронаціи. Онъ въ большомъ уваженіи по Тульской и Орловской губерніи и отъ сего самаго никогда не можетъ располагать временемъ, а дѣлать его съ сосѣдями, изъ коихъ мало есть такихъ, коимъ бы и изъ маусанловой жизни можно отдѣлать секунду... Хорошъ г-нъ А., который 800 душъ прожилъ на изо-

брѣгеніе *regretium mobile* ; на вопросъ, къ чему оный онъ употре-
бить намѣренъ (еслибъ изобрѣлъ), отвѣчаетъ : Богъ знаетъ, да вѣдь
живучи въ деревнѣ, надобно чѣмъ нибудь заняться. Непротивевъ и Г. Х.,
который, говоря мнѣ «ваше превосходительство», извинялся, что онъ
взялъ эту привычку, обращаясь часто съ губернаторомъ. Милъ
и игрокъ Х., носящій, когда въ гостяхъ, старый платокъ умершаго
въ Тулѣ губернаторомъ Г. и полученный имъ отъ жены его въ знакъ
его преданности къ покойнику. Замѣчательнъ и отставной бригадиръ К.,
умоляющій сосѣдей позволить ему отъ себя и своими людьми сажать
до нихъ просекы. Но представь себѣ, что всѣ эти вышеописанные
люди живутъ въ деревнѣ, бѣгають одинъ къ другому отъ скуки и ни-
какъ хлѣбопашествомъ не занимаются, говоря, что чего Богъ не дастъ,
того не возьмешь, а между тѣмъ стараются другъ друга обыгрывать
въ карты. А забылъ было 3000 душъ помѣщика .І., скряги, коего
жизнь есть шестой актъ комедіи *Скупого* Мольера ; онъ для того не
живетъ совсѣмъ въ отдѣланномъ своемъ новомъ домѣ, что столяръ его,
отданный на выучку, не посѣлъ, слѣдственно и рамъ въ окна сдѣлать
некому. — Въ ливенской деревнѣ, гдѣ говорили, что хлѣбъ не родится
(въ той самой, на кою ты также совершалъ крѣпость), я нашелъ рѣд-
кой доброты весь урожай, и поле мое, даже и крестьянское, отгѣни-
лось отъ сосѣднихъ, а однодворцы, тутъ живущіе, яровой и озимый
сѣютъ попеременно, не давая землѣ отдыхать ни на минуту и говорятъ.
плохо родится розь, сама-пята приходитъ. — Я здѣсь на-своей
роднѣ; всякое мѣсто приводитъ на память какое-либо маленькое про-
шествовіе, пріятное по молодости лѣтъ; а мѣсто сіе, заключаая въ
себѣ остатки батюшки и матушки моихъ, должно нѣкогда и меня ссу-
дить мѣстомъ для сокрытія гнилаго тѣла. Теперь повинюсь въ моей
глупости, слабости, или какъ хочешь назови. Пріѣхавъ рано, я захо-
тѣлъ лечь заснуть и три раза сряду видѣлъ одинъ сонъ, состоящій въ
томъ, что батюшка ко мнѣ сюда ишетъ, будто Катерину Петровну въ
Вороновѣ убили во время ея гулянья. Счѣйся, но всему есть возмож-
ность... Я очень пораженъ симъ сномъ тѣмъ паче, что они всегда для
меня бываютъ незначущіе, а этотъ заключаетъ все, чѣмъ я счастливъ
и награжденъ отъ Бога на семь свѣтѣ. Поемѣйся, но и пожалѣй.
Примѣть, что я посылаю и отсюда къ тебѣ газеты; взялъ ихъ изъ
Воронова для отправления. — Въ сію минуту я получаю твое пись-
мо, отъ 27 іюня. Жалѣть еще болѣе о тебѣ не могу, потому-что
давно со стороны трудовъ знаю тебя замученнымъ; но радъ, что ты
здоровъ. Черезъ недѣлю надѣюсь быть посреди моего семейства.
Прощай.»

«Отъ 27 іюня, с. Вороново.»

«Десять уже дней, какъ я возвратился сюда и нашелъ всю свою семью въ добромъ здоровѣ. — Я все безъ лекаря и рѣшился писать къ славному доктору Рихтеру въ Берлинъ, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ искуснаго человѣка, коихъ въ нѣмецкой землѣ весьма-много безъ употребленія и безъ мѣстъ. Тотъ Французъ, о коемъ я къ тебѣ писалъ, наконецъ пріѣхалъ, а мы просимъ Бога, чтобы онъ навсегда таковымъ остался, каковъ есть теперь. Онъ весьма ученъ, воспитанъ дядею, который былъ первымъ учителемъ Дюнина и былъ по части геометріи и географіи употребленъ при воспитаніи его и самъ; дочь его премилый ребенокъ, девяти лѣтъ, совершенно воспитана хорошо и всегда была при немъ; ему 41 годъ и метода ученья очень хороша. Сергуша очень силенъ уже въ исторіи и географіи, а особливо въ россійской, имѣя учителемъ мать, которая жизнь свою посвятила совершенно дѣтямъ и моему благополучію. Отъѣздъ нашъ въ чужіе края мы отложили на годъ или на два, для того, что мнѣ надобно привести въ порядокъ домашнія дѣла, а еще больше того, все думается, что ты расстаешься съ краемъ, гдѣ пріобрѣлъ много славы, а еще больше болѣзни и безпокойствъ. Головинъ возвращается весною въ Россію и располагается жить лѣтомъ въ подмосковной, не зная, что домъ его въ двухъ мѣстахъ треснулъ, а одна колоннада почти совсѣмъ упала. — Жаль, мой другъ, что ты слишкомъ занятъ и не имѣешь время ко мнѣ чаще писать; очень, очень часто я за тебя крѣпко безпокоюсь, а когда и покоенъ, то и тогда не знаю, когда съ тобою увижусь и на долго ли; но — воля Божія, коей все, имѣющее разумъ, покоряться должно. — Прощай. Богъ съ тобой; Онъ благослова твою душу, спасетъ и тѣло и возвратитъ друзьямъ, кои нетерпѣливо тебя ждутъ.»

«Отъ 24 сентября, с. Вороново.»

Близъ мѣсяца, другъ мой, не получалъ отъ тебя писемъ, хотя и были отъ тебя посланныя въ Петербургъ; но, полагая тебя слишкомъ занятымъ великими и успѣшными дѣлами, безпокоюсь въ душѣ, желая скорого окончанія. Кажется, что скоро должна быть у насъ война и другая; разрывъ съ Франціею сдѣланъ. Нашъ послѣдній, оставшійся въ Парижѣ — Убри оттуда выѣхалъ, и мы теперь съ Бонапартомъ въ войнѣ и въ невозможности сойтись вмѣстѣ. Видно, что въ Европѣ, по случаю вѣсшествія на престолъ Бонапарта, будетъ генеральное произвожденіе. Но признаюсь, что я несомнѣнно спокоенъ, зная безпокойную голову г-на Наполеона: онъ въ вѣсшествіи столь много можетъ вреднаго для насъ вздумать: мы можемъ всегда спасти Англію, а она насъ никогда. Какимъ

намъ нужда мѣшаться въ войну, отъ коей до-сихъ-поръ двумъ воюющимъ державамъ другаго вреда не произошло, какъ вооруженіе плоскодонныхъ судовъ у одной, и перепiski въ охотники въ другой? Зачѣмъ набиваться на драку, когда мы убѣгаемъ отъ войны? А я все стараго мнѣнія, что Францію Россіи, Пруссіи и Австріи можно въ два года обратить въ первобытное ея положеніе. Мы все, кромѣ меня, здоровы, а у меня часто что-то болитъ плечо и рука отъ стариннаго гатчинскаго ревматизма. Жена здорова, всемъ занимается, образуетъ дѣтей по своему подобію и пользуется блаженствомъ чистыхъ и добродѣтельныхъ душъ. Дѣти растутъ и, кажется, общаются много; не знаю сдержатъ ли слово. Сергуша успѣваетъ во многомъ. Учитель его часъ-отъ-часу становится для насъ дороже рѣдкими своими знаніями и поведеніемъ. Я досталъ наконецъ доктора, коего мнѣ очень изъ Берлина выхваляютъ и онъ въ будущемъ мѣсяцѣ долженъ быть здѣсь. Хлѣбопашество мое идетъ какъ-нельзя-лучше. Машины съ ставятъ молотильную машину всемъ новаго построения и мельницу, коя достойна быть показана хозяевамъ. Я очень-радъ, что испытанія надъ удобреніемъ здѣшняго качества земли черною болотною землею совершенно все награждены совершеннымъ успѣхомъ. Горохъ на трехъ десятинахъ, на кои высѣяно дрилемъ 15 четвериковъ, несмотря на поздній посѣвъ и самое сухое лѣто, далъ 28 четвертей; картофель, коего снято съ уваженной просто земли по 75 четвертей съ десятины, на той, гдѣ была черная болотная земля, родилъ 108 четвертей. Вотъ мои успѣхи: многіе смѣются, другіе находятъ въ моихъ сельскихъ занятіяхъ дальніе виды, нѣкоторые алчность къ деньгамъ, но я все продолжаю, живучи ужъ на свѣтѣ давно для пяти или шести человѣкъ. Прощай, мой другъ. Богъ съ тобой и все будетъ хорошо».

«Отъ 25 октября, с. Вороново.»

«Вчерашній день былъ для меня весьма памятенъ полученнымъ извѣстіемъ изъ Москвы изъ дома князя Д. Е., что ты живъ и возвратился въ Тифлисъ по взятіи эриванской крѣпости. Я теперь бывъ покойнѣе, стану ждать твоего письма. Представь себѣ мое положеніе: шесть недѣль я ничего больше не слыхалъ, какъ слѣдующее: «о князѣ Цициповѣ извѣстія нѣтъ; сообщенія все прерваны; полкъ казачій въ горахъ перерѣзанъ; онъ разбитъ шахомъ самимъ; Имеретія взбунтовалась; полки, въ Грузію идущіе, не могутъ пройти и стоятъ въ Кизлярѣ». Вотъ, что убивало твоего искренняго друга и заставляло нѣсколько разъ проклинать ту минуту, въ кою я вздумалъ приступить къ трактованію о Грузіи. Москву ты знаешь. Наконецъ слава Богу, о тебѣ некущемуся:

завистливые прикусят языкъ, трусы станутъ хвалить, а друзья твои радоваться сердцемъ и душою; даже и лошади тебѣ благодарны будутъ, что ихъ мучить не такъ станутъ, развозя сплетни и печальныя извѣстія. Я прежде любилъ, а теперь душевно почитаю князя Дмитрія Егоровича за его къ тебѣ преданность; онъ на человѣковъ не походилъ; также долженъ отдать справедливость и князю Дмитрію Евсѣевичу: онъ тебя истинно любитъ. Вотъ моя реляція объ отличившихся въ Москвѣ. Б. тоже за тебя стоитъ горою и, хотя его не люблю, но сіе не должно мѣшать истинѣ. Я здоровъ съ женою и дѣтьми. Она была болѣна три дня головою и послѣ миѣ призналась, что сіе было отъ безпокойства на твой счетъ. Я ужъ къ тебѣ писалъ, что мы наконецъ имѣемъ гувернёра такого, какъ хотѣлось, и Сергуша дѣлаетъ успѣхи въ его рукахъ. Я тебѣ новаго ничего сказать не могу, какъ то, что мы почти въ войнѣ съ Бонапартомъ, но римскій императоръ и прусскій король о войнѣ и слышать не хотятъ; ты увидишь много справедливыхъ происшествій въ газетахъ. Посылаю къ тебѣ четыре портрета Емельянова. Я нашелъ, что его подвигъ столь важенъ, что достоинъ быть спасенъ отъ времени. Прошу одинъ портретъ дать графу Воронцову и князю Козловскому, коего я какъ душу люблю, не зная совѣтъ въ глаза. У меня есть до тебя просьба. Ты миѣ съ большимъ сожалѣніемъ писалъ о лошади твоей любимой, кою испортилъ: покажуйста, если она для употребленія тебѣ не годится, а можетъ быть доведена весною, то подари миѣ на инвалидное содержаніе: я недоволенъ умѣю быть благодарнымъ людямъ, но даже и скотамъ, а она бы въ хорошей коншнѣ въ покоѣ и холѣ скончала у меня жизнь, изъ коей часть была тебѣ полезна. Прощай; совѣтовать ничего не могу, ибо ты вышелъ изъ числа тѣхъ, коихъ служба должна считаться годами: ты ею теперь связанъ съ Россією и государемъ. Богъ съ тобой».

Здѣсь на время прерываемъ мы любопытную переписку Раstopчина съ Циціановымъ. Изъ приведенныхъ писемъ можно уже видѣть, какъ проходила и чѣмъ наполнена была жизнь его въ Воронежѣ. Это продолжалось до самаго того времени, когда онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву. Въ концѣ 1811 года, по смерти знаменитаго президента Академіи Художествъ А. С. Строганова, думали выбрать преемникомъ ему Раstopчина. Головинъ писалъ къ графу (отъ 6 октябрю 1811 г.): «Je viens d'apprendre par un homme, qui est à même de le savoir, que l'Academie des Arts, ayant perdu son president, a procédé à l'élection en vertu des privilèges et statuts, qu'elle a, de deux candidats pour la présidence et qui sont le Pr. Yousouppoff et toi. Ils ont porté le choix, qu'elle ont fait au ministre des lumières, pour etre sou-

mis à la confirmation de l'Empereur. Ce que je te dis là, est un fait certain, vrai et positif». Но министр народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій объявилъ Высочайшую волю, чтобъ Академія Художествъ, впредь до повелѣнія, управляема была вице-президентомъ подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія ⁽³³⁾. Такимъ-образомъ Растопчинъ остался попрежнему въ частной жизни

Въ началѣ 1806 года графъ лишился одного изъ лучшихъ друзей своихъ—Циціанова, который былъ измѣнически убитъ на Кавказѣ. Головинъ писалъ къ Растопчину (26 марта 1806 года): «Je suppose, mon ami, que vous savez déjà la fin malheureuse de Tzitzianoff; l'état perd un homme essentiel. Il est regretté par ceux, qui savaient apprécier ses talents et ses qualités morales et blâmé généralement pour son imprudence, et avec justice. Voici comme il périt. Ayant envoyé sommer le chan de Baca de se rendre, l'autre fit semblant de le vouloir et lui indiqua une hauteur, qui séparait nos troupes d'avec la ville, ou il lui prétendait vouloir remettre les clefs de la ville, pourvu qu'il ne se rende au rendez-vous que lui troisième et que lui de son côté fera de même. Tzitzianoff se rendit à la place indiquée, accompagné d'un officier et laissa ses chevaux à deux cosaques, qui le suivaient, le chan se rendit aussi avec son neveu et deux scélérats, qui restaient auprès de ses chevaux. Mais au moment où ils commençaient à parler, les deux monstres, aussi gardaient les chevaux du chan, tirèrent l'un sur le malheureux Tzitzianoff, l'autre sur l'officier, qui furent tués tous les deux et leurs têtes emportées dans la ville de Baca». Въ Циціановѣ Растопчинъ потерялъ друга, съ которымъ дѣлился своими горестями и радостями, и притомъ въ какое время? Въ письмѣ отъ 17 мая 1806 года онъ писалъ ему: «Скажу тебѣ за диковинку, что я начинаю простывать головою и какъ-то холодно смотрю на многое». Въ слѣдующемъ (последнемъ) письмѣ Растопчинъ говоритъ: «Господи помилуй! Какъ я ни люблю свое отечество, и какъ ни разрывался, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣсило». Въ такомъ положеніи дружескіе совѣты Циціанова были нужны болѣе, чѣмъ когда-нибудь; но въ то самое время, когда Растопчинъ начиналъ холодно смотрѣть на вещи, прежде возмущавшія его, приближались такія обстоятельства, которыя должны были вызвать въ немъ прежнюю энергію. Положеніе Россіи во время войны съ Наполеономъ 1807 года въ человѣкѣ, который такъ горячо любилъ отчизну, не могло не вызвать горячихъ стремленій

³³⁾ Краткое историческое свѣдѣніе о составѣ Императорской Академіи Художествъ съ 1764 по 1829 годъ (Спб. 1829), стр. 30.

на пользу общаго дѣла. Эти стремленія выразились цѣлымъ рядомъ литературныхъ произведеній, къ разсмотрѣнію, которыхъ мы теперь приступимъ.

Первымъ изъ такихъ произведеній были «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» Брошюрѣ своей авторъ далъ довольно—оригинальную форму. Сила Андреевичъ Богатыревъ—идеаль, въ которомъ для Растопчина сосредоточивались все лучшія качества русскаго человѣка, сѣтуесть на слѣбное пристрастіе русскіхъ къ французамъ. Главная, основная мысль брошюры высказывается въ самомъ началѣ: «Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згишь ты дьявольское наважденіе! ступай въ адъ, или въ своиаи, все равно, только не будь на Руси» (31). Растопчинъ хочетъ показать, какое вредное нравственное вліяніе должны оказывать на Россію французы, которыхъ «все на перехватъ» принимаютъ. Нападки автора устремлены на воспитаніе, которое русскіе любятъ вѣрять заѣзжимъ французамъ, на моды, ими заносимыя къ намъ. Поиціямъ, которыя вкорепяютъ французы молодому поколѣнію, ничтожнымъ яхъ достоинствамъ Растопчинъ противопоставляетъ великихъ людей родины, какъ примѣръ для подражанія. Такое стремленіе возбудить антипатію къ воспитанію и модамъ французскимъ давно уже обнаружилось въ нашей литературѣ и постоянно въ ней поддерживалось. Но въ «Мысляхъ» Богатырева съ особенной силой выступаетъ новыі элементъ; бѣльшая часть брошюры направлена на характеръ французскаго народа и на государственныя перемѣны, совершившіяся во Франціи съ 1790 года. «На дѣлахъ они плутишки (говоритъ Богатыревъ), а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать.* Хоть не много по шерсти поглядать, то и бунтъ. Вить что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали уметвовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ поцрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! — отца. Головы, рубили, какъ капусту; все повелѣвали; то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разпнуть, носа показать, и судъ былъ хуже шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ позъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, оирокину

(31) «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», стр. 3. Сочиненія, стр. 8.

лись къ сосѣдямъ, и начали грабить и душить иѣмцовъ и венгерцовъ, италянцовъ и гишпанцовъ, голландцевъ и швейцарцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушолъ изъ Египта, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ Сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запретъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать; а ему то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то-есть: плакать и кряхтѣть; а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до-сихъ-поръ въ чадѣ. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, французы головешки, а Бонапартъ кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцовъ обдулъ, прусаковъ до пага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить—что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ—таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ». ⁽³⁵⁾ Это мѣсто совершенно было вызвано политическими обстоятельствами того времени, къ которому относится брошюра и объясняется цѣлью ея. «Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году (говорить Растопчинъ) имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ, жившихъ въ Россіи, которые старались приучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона» ⁽³⁶⁾. Вотъ почему Богатыревъ съ одной стороны желаетъ представить въ омерзительномъ видѣ характеръ французовъ, съ другой прославляемаго предводителя побѣдоносныхъ армій выводить мужичишкой, который въ рекруты не годится, въ которомъ нѣтъ ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Здѣсь отличіе нападокъ Растопчина на французовъ отъ подобныхъ же сочиненій прежняго времени. Съ самаго начала революціи французской въ нашей литературѣ слышатся враждебныя о ней отзывы и поднимаются на нее гоненія, но то было большею частью опроверженіе принципа, его двигавшаго. Растопчинъ беретъ прямыя слѣдствія ея для благосостоянія государственнаго, какъ сторону, болѣе понятную для большинства, потому-что на него хотѣлъ дѣйствовать авторъ «Мыслей».

⁽³⁵⁾ Мысли вслухъ и т. д. стр. 9—11.

⁽³⁶⁾ La vérité sur l'incendie de Moscou въ сочиненіяхъ, стр. 274.

Огромный успѣхъ встрѣтило это сочиненіе : оно быстро разошлось въ 7000 экземплярахъ. Головинъ писалъ къ графу Растопчину вскорѣ по появленіи «Мыслей»: «Сила Андреевичъ fait les délices du club anglois: on le lit dans tous les coins de chambres, des rires de joie et l'approbation des sentimens que manifeste le gentilhomme de Ефремовъ sont généraux dans la classe moyenne, les gens en place envisagent cette production sous (s) un autre point de vû, la jugent severement et prêtent à l'auteur une intention dont il ait incapable d'avoir. Pour ce qui me regarde mon ami je te dirai qu'après avoir beaucoup ri de cette aimable production, j'ai blâmé l'auteur de lui avoir fait voir le jour et je crois que lorsque nous nous verrons à Voronova vous serez obligé de convenir de la verité de quelques observations que j'ai à faire sur cette production» (37). Не трудно понять причины успѣха «Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ». При тѣхъ враждебныхъ чувствахъ къ французамъ, которыя невольно овладѣвали всѣми русскими во время войны съ Наполеономъ, съ восторгомъ встрѣтили остроумные нападки на французовъ. Оригинальность формы также не прошла безъ вниманія и вызвала многочисленныхъ подражателей. Какъ талантливый писатель, съ убѣжденіемъ возставшій противъ французскаго на насъ вліянія, Растопчинъ становится на-время какъ-бы во главѣ литературной полемики противъ французовъ. Не разъ въ мелкихъ брошюрахъ, направленныхъ противъ нихъ, является Богатыревъ, какъ первый выразитель тѣхъ же стремленій : онъ ихъ родоначальникъ, его мнѣніе для нихъ авторитетъ. Много любопытныхъ чертъ представляетъ эта, теперь совершенно-забытая литература, сложившаяся изъ летучихъ брошюръ, мелкихъ статей, сатирическихъ стиховъ, торжественныхъ одъ. Удивительно выдержанное единство связываетъ, однако, раздробленные члены ея въ живое цѣлое. Вглядитесь пристально во всѣ, даже, повидимому, ничтожныя, литературныя явленія того времени съ полемическимъ характеромъ, и вы легко замѣтите въ нихъ нападки на одиѣ и тѣ же слабости стороны русскаго общества, ту же цѣль, тѣ же увлеченія. Эта общность направленія происходила не отъ подражательности, не оттого, что литература увлечена была какимъ-нибудь талантомъ въ извѣстную сторону; корень этого явленія лежитъ гораздо-глубже: это — единство мысли, воодушевлявшей всѣхъ въ то время.

Ко времени появленія «Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» относятся двѣ комедіи Крылова : «Модная Лавка» и «Урокъ Дочкамъ».

(37) Письмо отъ 15 апрѣля 1807 года. Правописаніе соблюдено подлинника.

Въ первой осмѣливается пристрастіе къ модамъ, во второй — пристрастіе къ французскому языку. Мадамъ, хозяйка модной лавки, является самымъ безнравственнымъ существомъ : у ней найдется и контрабанда; въ ея прежней парижской жизни отыщутся многіе не легкіе грѣшки; за деньги она готова сдѣлать въ своего магазина мѣсто непріличныхъ любовныхъ свиданій — вотъ дѣятельность ея въ магазинѣ, не говоря ужъ о томъ, что за свои модные уборы, выставляющіе на-показъ всѣ женскія прелести, она беретъ самыя дорогія цѣны. Въ такомъ видѣ изображаетъ Крыловъ содержательницу модной лавки; точно также представляютъ ее и гравированныя каррикатуры того времени ⁽³⁸⁾. Напримеръ, на одной карриктурѣ изображена мадамъ, лежащая, съ обнаженною грудью; господинъ, сидящій передъ ней на стулѣ, восторженно читаетъ какую-то книгу; другой мужчина говоритъ, откланиваясь : «Завтра здѣсь у мадамъ... въ два часа я буду п... увѣнчаетъ насъ любовью» ⁽³⁹⁾. Противъ модныхъ одеждъ подобнаго рода вооружается и Растончинъ, говоря : «Одѣты какъ мать наша Евва, сущія вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряда». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ подобныхъ модницъ *натуральными дамами, раздѣтыми по модѣ*. Въ комедіи «Вѣсти», Богатыревъ упрекаетъ Набатову за модную одежду : «Ну, взгляни ты на себя, какъ ты одѣта? тебѣ давно за пятьдесятъ лѣтъ — вѣдь смѣхъ и грѣхъ! На что тыходишь? съ рукъ — на прачку, съ головы — на голландскаго шкипера. Одѣвала бы по старинѣ грѣшное тѣло, потелѣй : вѣдь въ тебя, не боюсь, вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ старыя опущенныя палаты; что ты за мокрая Венера изъ пѣны морской явилась? Ну, смотри! какъ зима тебя прихватитъ, сведетъ руки и ноги; вотъ и выйдетъ тюника сокомъ». Но Набатова «не хочетъ быть одѣта шутихой; она хочетъ жить въ свое удовольствіе». — «Да кто мѣшаетъ? (продолжаетъ Богатыревъ) пусть надъ вами смѣются. Да за что вы губите молоденькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзкая мода обливаетъ любовь и уваженіе холодною водою и, вмѣсто того, чтобъ привлекать, гонитъ прочь и жениховъ ловятъ, какъ бѣглыхъ. Въ-старину, и не-очень-давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатка; а нынче воображенью и догадкѣ дѣла нѣтъ. Да прежде сего одѣвались, а нынче раздѣваются. Пная ѣдетъ на балъ, какъ модель

⁽³⁸⁾ Мы пользовались богатымъ собраніемъ карриктуръ, принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

⁽³⁹⁾ Карриктюра называется: *Дѣятельность французженки въ магазинѣ*.

для живописцевъ; другая изъ отцовскаго дома, какъ изъ кушетъ-камеры; на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, все сквозить, все летитъ; разъ взглянулъ, точно какъ отъ кушеля принималъ» (40).

Завязка другой комедіи Крылова вся основана на пристрастіи двухъ провинціальныхъ барышень къ французскому языку. Отецъ заперъ ихъ въ деревнѣ и приставилъ къ нимъ няню Василису, которая должна не позволять имъ разговоровъ на французскомъ языкѣ. Насмѣшки надъ пристрастіемъ русскихъ къ французскому языку начались еще съ Сумарокова и съ особенною силою повторялись въ старыхъ сатирическихъ журналахъ. У Растопчина, Крылова и другихъ писателей того времени они получили новый смыслъ, благодаря политическимъ отношеніямъ нашимъ къ французамъ. Это новое значеніе гоненій на французскій языкъ поймемъ мы, прочитавъ статью А. С. Шишкова: *Отвѣтъ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣстникъ Европы, апрѣля 1807 г., № 8-й, подъ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу*. Упорный защитникъ славянскаго стиля приводитъ слѣдующія слова Порталеса: «Вспомните, что всеобщее употребленіе французскаго языка служитъ первымъ основаніемъ всѣхъ связей, которыя Франція имѣетъ въ Европѣ; оно приумножило ея могущество и славу. Сдѣлайте, чтобъ въ Англіи также говорили по французски, какъ въ другихъ краяхъ, то, конечно, будемъ мы знаменитѣе въ глазахъ сего надменнаго народа. Порталесъ прибавилъ еще къ сему (говоритъ Шишковъ), что еслибъ удалось имъ завоевать Англію, то прежде всего надобно истребить употребленіе природнаго языка. Прежде всего (продолжалъ онъ) старайтесь истребить въ государствѣ языкъ народный, а потомъ ужъ и самый народъ» (41). Такому взгляду на вліяніе французскаго языка въ Россіи не были чужды ни Растопчинъ, ни Крыловъ, ни другіе. «Всею свое названье (говоритъ Богатыревъ о французяхъ). Богъ помочъ — *bon jour*; отецъ — *monsieur*; старуха-мать — *taman*; холопъ — *mon ami*; Москва — *Ridicule*; Россія — *Fi donc*».

Комедія Крылова, въслѣдствіи совершенно-заслоненныя его баснями, имѣли въ свое время большое значеніе. Появленіе ихъ, современное «Мыслямъ и Вѣстямъ» Растопчина и множеству мелкихъ полемическихъ статей, показываетъ, что сражались не съ призраками, но съ существенными недостатками и вредными сторонами современности. Тогда такіе нападки были, можетъ-быть, нужны болѣе, чѣмъ когда-

(40) Сочиненія, стр. 125—126.

(41) Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Спб. 1828, ч. XII, стр. 241.

нибудь. Какъ человѣкъ, затронувшій остроумной насмѣлкой самыя-живыя интересы извѣстнаго класса общества, Крыловъ не избѣгнулъ гоненія со стороны этого класса. Такова ужъ судьба комика. Ниже увидимъ мы, что нареканія посылались и на Растропчина за его *Вѣсти*, и на него «разсердился за картину моднаго одѣянiя — натуральныя дамы», за Моренкова — нѣкоторые практикованные доктора. Другіе отзывы слышалъ Крыловъ отъ людей образованныхъ. Векорѣ послѣ представленія комедіи *Урокъ Дочкамъ*, напечатаны были слѣдующіе стихи:

Любя отечество, люблю я тѣхъ душой,
Которы общему не страдаютъ слѣпотой;
На моды не смотря, привыкли тѣмъ гордиться,
Что привела судьба ихъ русскими родиться.
Въ числѣ ихъ ты, Крыловъ — и дочкамъ давъ урокъ
Соотчичей драгихъ являешь намъ порокъ,
Осмѣывая то постыдно состоянье,
Въ которое привело насъ модно воспитанье. —
Съ какимъ искусствомъ ты умѣлъ то описатьъ,
Что всякій день должны къ несчастью мы встрѣчать!
По что же прибыли имѣло представленье?
Перемѣнилъ ли ты красавицъ нашихъ мильные?
Успѣлъ ли наготу прикрыть хотя платкомъ,
Иль русскимъ говорить заставилъ языкомъ?
Ахъ, нѣтъ! — Въ театрѣ бывъ, французскимъ говорили.
И спину въ вечеръ тотъ побольше открыли.
Хотя ты ихъ кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,
Урокъ полезный твой забыли тотъ же часъ.
Въ немъ странностей своихъ никакъ не замѣчая,
Ругаетъ дочь тебя и мать полунагая;
Возсталъ на тебя ихъ дядя, братъ, отецъ,
Всѣ полу-русскіе пустились наконецъ
Полу-французскимъ бранить тебя словами. —
Но несмотря на то и прозой и стихами,
Надъ странностями ихъ шутить ты продолжай
И смѣхомъ зрителей ихъ брани заглушай⁽⁴²⁾.

Отъ комедій Крылова обратимся къ другимъ, менѣе-важнымъ явленіямъ той же отрасли литературы, которую мы называли полемическою. Въ ней выражаются тѣ же стремленія русскаго общества, но не съ такимъ искусствомъ. Вопросы поднимаются тѣ же самыя и метода напа-

⁽⁴²⁾ Драматическій Вѣстникъ, 1808 г., № 8, стр. 72.

денія одинакова. Напримѣръ: *Посланіе русскаго къ французолубцамъ* ⁽¹³⁾ точно также разсуждаетъ сначала о французскомъ народѣ вообще, а потомъ «съ чистосердечіемъ русскаго доносить о характерѣ Французовъ особливо». Не оставлены безъ вниманія ни пристрастіе къ французскому языку, ни модное воспитаніе, ни мадамы Въ пылу негодованія на французовъ, которое поддерживалось, кромѣ того, войною съ ними, литераторы не избѣгли увлеченій. Преслѣдуя вредныя случайности, привнесенныя въ воспитаніе невѣжественными французскими гувернёрами, онѣ незамѣтно подняли руку и на то, что было въ порицаній и насмѣшекъ — на самое образованіе вообще. Съ особенной рѣзкостью выступаетъ эта крайность въ произведеніяхъ слабыхъ, напримѣръ, въ комедіи *Высылка Французовъ* ⁽¹⁴⁾. И Растопчинъ не чуждъ увлеченій въ своихъ нападкахъ. Богатыревъ не знаетъ добрыхъ чертъ въ характерѣ французскаго народа; онѣ для него не существуютъ; изъ устъ его слышится только хула на французовъ, проклятіе имъ. Сила времени и обстоятельствъ движетъ Растопчина, когда онъ изрекаетъ такой рѣшительный приговоръ французамъ. Попробуемъ разобрать причины, которыя сдѣлали Растопчина рѣшительнымъ противникомъ ихъ. Было ли это результатомъ его воспитанія, или оказалось тутъ вліяніе нашей литературы XVIII вѣка? Судя по тѣмъ бѣднымъ свидѣніямъ, которыя мы имѣемъ о воспитаніи Растопчина, немногого можемъ приписать въ этомъ отношеніи вліянію воспитателей. Сильнѣе могла подѣйствовать на него сатирическая журнальная литература прошлаго столѣтія; но не она была главною, преобладающею причиною открытаго возстанія Растопчина противъ французовъ. Въ немъ не замѣчаемъ того безпристрастія, которое такъ ощутительно въ нашихъ старыхъ журналахъ, которое въ состояніи спокойно отдѣлать ложное и печпное отъ того, что истинно и законно въ общеніи народовъ между собою. Новиковъ былъ издателемъ «Трутня», «Живоннеца», которые безпощадно преслѣдовали французское вліяніе въ его ложныхъ сторонахъ; но тотъ же Новиковъ печаталъ на своемъ «вздвигеніи» многіе переводы съ французскаго. Растопчинъ самъ объясняетъ намъ причину своихъ нападеній и своихъ увлеченій въ слѣдующемъ замѣчаніи о «Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ»: «Я

⁽¹³⁾ *Посланіе Русскаго къ французолубцамъ* въѣсто подарка на новый 1807 годъ. Сиб. Въ типографіи Ф. Дрехслера (въ 8 д. л.). Авторъ брошюры — Василій Алексѣевичъ Левшинъ. См. Сѣвер. Пчела, 1826, № 103.

⁽¹⁴⁾ «Высылка Французовъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ тид. И. Глазунова, 1807(8), стр. 91—92.

не говорилъ о Французахъ хорошаго; но мы были въ войнѣ и Русскимъ позволено было не любить ихъ въ эту эпоху ⁽¹⁵⁾.» Кромѣ этой главной причины, вызвавшей «Мысли», въ самой жизни Растопчина были обстоятельства, ожесточившія его противъ французскихъ воспитателей. Письма его къ П. Д. Циціанову всего лучше подтверждаютъ эту мысль. Приводимъ изъ нихъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о гувернёрахъ своего сына.

«Тотъ славный аббатъ *Millot* (пишетъ Растопчинъ отъ 21-го мая 1803 года), о коемъ я къ тебѣ писалъ и коего мы столь нетерпѣливо ждали для Серёжи, обнаружилъ себя по счастію въ отвѣтъ на сдѣланныя ему предложенія, написавъ все умно, пышно и благоговѣйно, кончить требованіемъ: *Pour qu'il lui soit permis en formant un jeune coeur à la vertu de l'élever dans la religion catholique Romaine.* Каково тебѣ это кажется? Не достойны ли мы этого мнѣнія глупымъ своимъ упорствомъ основывать хорошее воспитаніе на выговорѣ галльскаго языка? Я отвѣчалъ: *que j'étais enchanté d'avoir trouvé dans le zèle de m-r l'abbé pour sa religion le vrai motif de la tâche, qu'il voulait s'imposer, mais que je voulais pour mon fils, qui n'est pas un sauvage, un instituteur et pas un missionnaire, que tout homme élevé dans une religion quelconque doit y vivre et mourir et que je souhaitais à m-r l'abbé toute sorte de succès partout ailleurs que chez moi.*». Отъ 3-го января 1804 года Растопчинъ пишетъ, между-прочимъ, къ Циціанову:

«Я принужденъ былъ прогнать ученаго дурака *Ballio*, коимъ меня наградила аббатъ *Nicolle*. Эта скотина вздумалъ при мнѣ сказать грубость и на другой день онъ уже былъ въ Москвѣ. Теперь, въ ожиданіи славнаго *m-r d'Alouville*, который былъ помощникомъ при воспитаніи дофина, я взялъ самаго скромнаго и благочестиваго нѣмца, который нѣкогда при мнѣ былъ въ иностранной коллегіи: онъ хорошо учился и время потеряно не будетъ, особенно въ нѣмецкомъ языкѣ».

Но здѣсь можемъ мы продолжать прерванную выше переписку графа Растопчина съ П. Д. Циціановымъ. Петорія д'Алувиля, въ ней разсказанная, составляетъ цѣлый романъ и показываетъ въѣстъ, какимъ образомъ могло въ Растопчинѣ укорениться невыгодное мнѣніе о французскихъ гувернёрахъ.

Въ письмѣ отъ 1805 г. 12 января (с. Вороново) Растопчинъ пишетъ, между-прочимъ: «много зналъ Французовъ всѣхъ лѣтъ, породъ, разборовъ, но, право, ни одинъ на дѣло не годится, потому-что онъ ве-

¹⁵⁾ La vérité sur l'incendie de Moscou въ Сочиненіяхъ, стр. 274—273.

здѣ французъ и все дѣлаетъ безъ разсудка; слѣдственно, если все сдѣлается по послѣднему твоему писъму, то мы чрезъ годъ, можетъ, и увидимся. Дай Богъ! я не очень доволенъ, что Ч. и Р. въ совѣтѣ. Справедливы слова Новосильцова, что покой для живаго человѣка не существуетъ. Нашлось, что нашъ почтенный d'Alouville такой же французъ, какъ и все прочіе. Графиня М. поѣхала въ Петербургъ съ своячиною В. и эта пишетъ къ Катеринѣ Петровнѣ, что дурища М. въ пути открыла ей, что она и d'Alouville другъ въ друга влюблены, что она ждать будетъ отъ него писъма и потомъ выйдетъ за него замужъ. Вышло, по показанію француза, что М. сама ему о своей страсти объявила, общала мѣсто въ Петербургъ чрезъ свояка своего Хр., наговорила о большомъ послѣдствѣ и проч., а у ней 800 руб. дохода, и послѣ отца, который прездоровый вѣмецъ, десять тысячъ рублей, да материнскихъ 60 душъ. D'Alouville увѣряетъ, что онъ все сіи причины ей представлялъ и еще повторилъ писъмомъ, что ему на ней жениться и по бѣдности и чтобъ не сдѣлать несчастія своей дочери, нельзя; видно, что самолюбіе судя за жертву страсти, кою онъ произвелъ въ тридцатипятилѣтней дѣвкѣ, съ шестью зубами, глухой, капризной, больной. Вотъ какъ иногда большой умъ можетъ извинять глупость!»

«Отъ 4-го февраля, с. Вороново.»

«Итъ тебѣ нужды сказать, какое дѣйствіе произвело послѣднее твое писъмо изъ Цхинвала; но божусь, что до сихъ поръ мы съ женою еще не опоминимся, и я послалъ человѣка ждать воронежской почты, чтобъ тотчасъ имѣть твое писъмо, если оное есть; а когда итъ, и тебѣ было легче, то дурно сдѣлалъ, что двухъ словъ не написалъ. Можетъ-быть, есть другіе живѣе меня; но у тебя право итъ другаго Расточина, который и сердцемъ и душою весь твой и одного лишь желаетъ, чтобъ знать тебя счастливымъ, или спокойнымъ, или по-крайней-мѣрѣ здоровымъ. Довольно и того страданія, что, наживя друга, рѣшиться должно по обстоятельствамъ не жить почти никогда съ нимъ вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ ты въ концѣ лѣта возвратился изъ такого края, гдѣ много слишкомъ надѣлалъ; но мнѣ кажется, что ты напрасно въ послѣднюю экспедицію захотѣлъ самъ идти; хорошо окончилъ, но было умеръ отъ трудовъ. У насъ въ домѣ сдѣлалась престрашная революція. Тотъ d'Alouville, о коемъ я къ тебѣ много писалъ, истинно умный, честный и съ правилами человѣкъ, изъ подтишка и такъ, что никто сего не примѣтилъ, влюбился или, лучше сказать, рѣшился жениться на М. Эта старая, сухая, преглупая и съ 800 руб. дохода дѣвка съ ума (если можно) почти сошла и поѣхала въ Петербургъ, не сказавъ ни-

кому о своемъ намѣреніи слова, а мы узнали отъ своячины В., съ коею М** поѣхала и открыла свою тайну въ дорогѣ. Она уже предупредила Н**, но, не имѣя успѣха доставить женху важнаго мѣста, предалась отчаянію, что всего мудренѣй, что французъ, имѣя одиннадцаті дѣтъ милую дочь отъ первой жены, и былъ умный человѣкъ съ большими знаніями наукъ и людей, влюбленъ самъ въ эту дуру, говоря, что онъ боится въ старости быть одинъ, что умъ для жены не нуженъ. Ты легко представишь, каково намъ было оставаться опять въ затрудненіи имѣть достойнаго человѣка и терять цужное время въ воспитаніи сына. Наконецъ, чтобъ это все кончить, я рѣшился имѣть счастливую чету въ домѣ и теперь ужъ будетъ дѣло М** испросить позволеніе у отца, который къ тому еще разъ самъ женится, и забыть, что она жертвуетъ счастіемъ и природѣ родствомъ съ Г. М**. Дочерей и Сережу учить по англійски очень добрая англичанка и еще мы приняли большую музыкантку м-me Minelli для ученія дѣтей на клавинодахъ. Жена, занимаясь безпрестанно вѣсѣмъ тѣмъ, что можетъ способствовать къ воспитанію дѣтей, сдѣлала удивленія достойное сокращеніе россійской исторіи до 1801-го года⁽⁴⁶⁾, и коль скоро оное переписано будетъ, то я къ тебѣ перешлю, и т. д. ».

« Отъ 14-го февраля, с. Вороново. »

« Съ того дня, какъ я получилъ отъ тебя извѣстіе, что ты въ Дцын какъ боленъ, ни одной строки болѣе не имѣлъ, и никто въ Москвѣ отъ тебя и о тебѣ не получалъ извѣстія. Не знаю, что думать; остается весьма слабое утѣшеніе, что ты такъ занятъ дѣлами, что не успѣлъ слова ко мнѣ написать. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ кончится это безпокойствіе. Ты вѣрно знаешь, что Д. Р** отказался отъ начальства въ Грузіи, отговариваясь незнаніемъ того края, обычаевъ и войны. Это я знаю отъ К. В**, который цѣлъ цѣлый часъ твои похвалы и по секрету наединѣ сказалъ, что ты вызываешься въ Петербургъ для употребленія въ войну, которая, по его словамъ, должна быть необходимо. Признателенъ очень за попеченіе о племянникѣ, коего ожидаетъ на дилѣ. Мнѣ бы очень желалось его видѣть единственно, чтобъ поговориться о тебѣ; но сему не бывать, потому-что въ этой семьѣ все по размѣру и по разсудку дѣлается, доколѣ нужда не дойдетъ; а такъ какъ я въ числѣ непогрѣбшихъ покойниковъ, то и останусь безъ извѣстія Москва ли-

⁽⁴⁶⁾ Это сокращеніе россійской исторіи находится нынѣ въ бумагахъ О. В. Растопчина, хранящихся у сына его.

шлась своего спасителя — Еропкина; въ 83 года безъ болѣзни и въ хорошемъ положеніи разбитъ былъ параличемъ, отчего чрезъ три дни престалъ жить. Въ сію минуту у меня въ домѣ не очень здорово: Наташа больна жаромъ, но теперь лучше, а Сережа жалуется головою, да и я самъ не совѣмъ здоровъ. Я къ тебѣ писалъ о глухой исторіи d'Alouville съ М**. Они какъ то нашли въ себѣ, что другъ въ друга влюблены и затѣяли свадьбу, она поѣхала въ Петербургъ выпрашивать женху мѣсто и чиновъ; но какъ все сіе кончилось участливостіи со стороны благодѣтелей скорбящихъ, то и вышло, что любовь осталась безъ надежды. Дурища эта больна съ горя и я, пожертвовавъ Сережѣ нѣкоторыми причинами быть сердиту за эту исторію, согласился и предложилъ влюбленной четѣ сочетаться и жить здѣсь; но выходитъ новое затрудненіе со стороны гордаго А. М**, отца невѣсты; онъ женился на чухонкѣ, или лифляндкѣ, и не даетъ позволенія дочери сдѣлаться французскою гражданкою, — ихъ дѣло кончить, а мое обвинять. — Жена тебѣ кланяется; она здорова, но обезпокоена болѣзнію дѣтей. Прощай, больше писать нечего, тѣмъ болѣе, что хочется тебя бранить за то, что ты меня мучаешь безъ милости, когда бы однимъ словомъ успокоить могъ».

«Отъ 20-го марта, с. Вороново,

Ты, постави себя на единую лишь минуту на мое мѣсто, можешь легко предетавить, каково мнѣ было съ новаго года не имѣть отъ тебя писемъ. Наконецъ вчера получилъ два вдругъ отъ 30 генваря и 5 февраля. Ты мнѣ столь подробно написалъ о своемъ положеніи и дополнилъ еще двумя приложенными письмами, что я и не имѣю нужды видѣться съ N**, а на посѣщеніе его не очень считаю. Они все всю жизнь играютъ въ шахматы и все размѣриваютъ, не зная, что можно быть мастеромъ и въ qui perd gagne. Въ его лѣта скрытность во нравѣ не можетъ быть прибрѣтенная воспитаніемъ, а просто врожденная. Письмо Адама показываетъ умнаго малаго; а что онъ тебя любитъ и твой рыцарь, то сіе отъ многихъ и по многимъ знаю, следовательно на счетъ его сомнѣнія быть не можетъ; но край, гдѣ ты, не привлекаетъ важнаго теперь вниманія по той причинѣ, что затѣваютъ страшную войну и я боюсь одного, чтобъ дальнѣйшіе виды и затрудненіе кого послать не заставили рѣшиться оставить тебя для окончанія начатаго и еще новаго; по словамъ Адама dans six mois nous saurons à quoi nous en tenir au sujet de la Porte. Можно подуматъ, что весьма скрытно избираютъ удобное время посягнуть на раздѣлъ издыхающей Порты; но не можетъ быть, чтобъ вѣлскій дворъ ослѣпился столько на

счесть хищности и предприимчивости Бонапарта. Теперь послали въ Берлинъ генералъ-адъютанта В** за самымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и какъ уновательно, что тамъ на Французовъ не посягнуть, то и должно ожидать разрыву. Оставляя англичанъ грабить на морѣ, Бонапартѣ бросится забираться въ Италію, прусской король въ нѣмецкой землѣ вокругъ себя, а Кобенцель примется за Валахію и Молдавію. Не лучше бы снѣмъ тремъ державамъ раздѣлить между собою все владѣнія оттоманскія безъ войны, отдавъ Франціи Египеть? Но видно сказано на судѣ божіемъ, что Бонапартѣ будетъ бичъ государей, а у этого желтаго мужичка много должно еще быть затѣй, и онъ, короновавшійся въ Миланѣ королемъ ломбардскимъ, не замедлитъ помазаться миромъ въ Римѣ. Въ разговорѣ моемъ съ В** старикомъ онъ мнѣ сказывалъ, что войнѣ быть, а подробностей для того я у него не спрашивалъ, что у насъ почти договоръ о политикѣ не говорить, ибо мнѣніе разное: онъ любитъ, изъ дружбы къ брату, Англію, а я увѣренъ, что Россія можетъ и должна имѣть собственные виды и поведеніе, или мѣшая другимъ расширять свои владѣнія, или, не взирая на другихъ и пріобрѣтая и себѣ все, что кетати; примѣръ одной Франціи достаточенъ; когда эта земля, на селенная сумасшедшими, покорила себѣ и силою и мнѣніемъ больше половины Европы, то что можетъ предпринять Россія? Въ разговорахъ откровенныхъ (сколько они могутъ быть таковыми со стороны Г. В**), я дивился всезнаніямъ этого дѣловаго старика, ясности мыслей и точности выраженій: кажется все, что онъ въ допросѣ и готовился говорить безъ привязки. Жаль, что прежде и теперь жили у него не были больше напряжены. Странная мысль Н. П. ѣхать въ Грузію. Я его съ 87-го года знаю: у него самая сумасбродная романтическая голова; онъ и пишетъ, и поетъ и танцуетъ, и въ Египеть бросается, придворный, профессоръ, Ловласъ, онъ все одинъ и какъ случится. Но теперь онъ нашелъ хорошій случай путешествовать, отиваясь въ Китай съ посломъ Г**. Верно хотятъ дать въ Пекинѣ понятіе о нашемъ великолѣпіи. Кромѣ чиновниковъ, 1500 человекъ будетъ военныхъ, купили Шереметева роговую музыку, везутъ панораму, представляющую переходъ Суворова въ Швейцарію, подарковъ множество. Дай Богъ, чтобъ китайка была потоньше, хорошо поить ее. Жена, я и двое дѣтей здоровы. Катерина Петровна, не довольствуясь тѣмъ, что посвятила все свое время на воспитаніе дѣтей, писала часть изъ онаго и сочинила краткую російскую исторію и древнихъ географію съ объясненіями, кои такъ хорошо написаны и столь ясны и вѣрны, что можно заставлять дѣтей учить наизусть. Ты ошибаешься, полагая, что свадьбою мы избавимся дуры М**: напротивъ, не выпрося ничего для жениха, она

было умерла отъ отчаянія, а мы, чтобъ сохранить d'Alouville у насъ въ домѣ, потому-что достоинство его необыкновенное и онъ точно такой человѣкъ, какой для Серёжи надобенъ, предложили держать его и съ женою, и теперь дура М**, испрося у отца позволеніе, должна на сихъ дняхъ пріѣхать сюда».

Въ письмѣ отъ 5-го апрѣля Растончинъ говоритъ о своемъ французѣ: «Г. М. и женухъ d'Alouville идутъ въ руссійскіе подданство, видно для какихъ-нибудь большихъ выгодъ, а намъ все хлопоты нескать еще другаго учителя. Прощай, мой другъ. Если тебѣ тяжело въ Тифлисѣ, то и мнѣ иногда грустно бываетъ здѣсь; но мы еще живы и судьба наша не въ нашей волѣ».

Отъ 3 мая, с. Вороново.

«Вотъ опять близъ мѣсяца, что отъ тебя писемъ нѣтъ; а по газетамъ знаю, что у тебя было землетрясеніе. избави Боже отъ лиссабонскаго! Мы все теперь здоровы и вчера соблюди весь порядокъ, сдѣлали свадьбу глупой М. Престранный человѣкъ этотъ d'Alouville: поѣхалъ на три дни въ Москву и прожилъ шесть недѣль. Онъ весь составленъ изъ расчетовъ, изъ гордости и изъ скромности; но знаній много, нравственности и истиннаго закона безъ святошества. Не знаю, Сергуша, когда меня не будетъ на свѣтѣ, будетъ ли знать цѣну всехъ моихъ пожертвованій для его воспитанія и что терпѣть должно отъ этихъ иноземцевъ. Дура М. рада и въ удивленіи, что, послѣ 38 лѣтнихъ поисковъ нашла жеребца. Слухи объ войнѣ утихли; кажется, нынѣшній годъ ничего не будетъ. По газетамъ увидишь, что Бонапарте начинаетъ много вреда дѣлать Англіи, и если онъ нѣсколько тысячъ войска доставитъ Голкару въ Индію, то власть Великобританская въ Азіи не скоро возстановится, а въ Лондонѣ все благоразумные люди желаютъ смѣны Питта, а друга его Дундаса (Lord Melville) прѣгнали. Жена ожива и дѣти копаются въ саду, а я дѣлаю себѣ камзолъ съ рукавами изъ китайки для полевой работы и дѣлаю тѣла. У меня теперь Новосильцовъ; на три дни съѣзжу въ Москву по дѣламъ. Прощай, будь здоровъ и бери Ериванъ, чтобъ не имѣть причины оставаться въ томъ краю, гдѣ тѣшутъ твое тѣло и терзаютъ твою душу. Богъ съ тобою». Отъ 30 мая Растончинъ пишетъ, между-прочимъ: «Мы, любезный другъ, все здоровы и пользуемся безпримѣрно-прекраснымъ временемъ, которое устанавливается. Я опять въ строеніи и жарюсь на поляхъ и въ лѣсахъ, веду жизнь здоровую и въ одинъ часъ бываю цыганомъ, старостою и лѣшимъ. Когда, Богъ дастъ, пріѣдешь, то много найдешь поваго, можетъ быть, и хорошаго въ Вороновѣ. Дѣти здоровы. Ученіе

идеть порядочно; образъ нашей жизни отнюдь не перемѣняется. Г. М стала m-me d'Alouville. Признайся, что эта мумія пріятельный ребенокъ».

Не долго оставался d'Alouville у Растопчина послѣ женитьбы. Въ письмѣ отъ 26 іюня графъ писалъ къ Циціанову : «Я боюсь, что, несмотря на все пожертвованіе для Сережи, этотъ d'Alouville не уживется, какъ можно было примѣнить что-нибудь между нмъ и душою М*, они совсѣмъ почти не говорили. Ты же знаешь, какъ она скверна, стара и глупа ; онъ человѣкъ скрытный и цѣлешный. Я думалъ сдѣлать нмъ одолженіе оставить жить въ домѣ, безъ чего послѣ брака нмъ бы и головы преклонить негдѣ было ; но она еще стала неспособна, а онъ боится, чтобъ ему не сдѣлала невѣжества. Онъ пошелъ въ подданство и вчера прислалъ указъ въ сенатъ, чтобъ его причислить къ русскому дворянству ; но не называть графомъ, что и справедливо, ибо онъ не эмигрантъ и пріѣхалъ и явился подъ названіемъ Citoyen Armand Alouville. Теперь пойдутъ бѣды, и онъ ѣдетъ объясняться».

Въ письмѣ отъ 11 октября находимъ и окончаніе всей исторіи. «Мы все здоровы (пишетъ Растопчинъ); жена по самому первому пути собирается ѣхать въ Петербургъ на мѣсяцъ и я поѣду ее провожать до деревни свояченицы Голицыной, которая отъ брата 20 верстъ. Сергуша остается со мною и я опять въ большихъ хлопотахъ и желчахъ. Этотъ d'Alouville, прибавляя часть отъ часу къ прежнимъ новымъ мерзостямъ, теперь до того себя довелъ, что совсѣмъ не занимается ученіемъ сына, спитъ до 11 часовъ и большую часть дня дѣлитъ между жены и всеобщей исторіи, которую на просторѣ предпринялъ писать, притомъ Сережа привыкаетъ слишкомъ къ дочери d'Alouville, а это большая помѣха въ ученіи. Голова идетъ кругомъ : Богъ знаетъ, гдѣ сыскать человѣка. Какое несчастіе, что Петръ Первый насъ обрлъ, а Шуваловъ заставилъ говорить несчастнымъ этимъ французскимъ языкомъ».

Изъ послѣднихъ словъ легко видѣть, до какого ожесточенія противъ французскихъ воспитателей довела Растопчина исторія д'Алувиля. Оскорбленный въ чувствахъ отца, находя препятствія въ своихъ благородныхъ успѣхахъ дать хорошее воспитаніе сыну, Растопчинъ тѣмъ менѣе могъ забыть и простить чужеземнымъ гувернірамъ подобныя поступки, чѣмъ дороже было для него образованіе и чѣмъ впечатлительнѣе была его натура. Всякое препятствіе своимъ планамъ и желаніямъ преслѣдовалъ онъ съ самымъ жестокимъ упорствомъ ; и если, при всехъ своихъ успѣхахъ, не могъ достигнуть цѣли, то обращалъ съ какимъ-то озлобленіемъ оружіе на то, чего прежде съ жаромъ домогался. Растопчинъ, при всемъ своемъ умѣ, часто повиновался слѣпо влеченію горя-

чей минуты, первому движенію сердца, и потомъ самъ же былъ въ состояніи осудить этотъ порывъ. И вотъ передъ этимъ-то человекомъ въ кругу его семейства прошли Милѣ съ сумасброднымъ планомъ обратить питомца въ католичество, Бальѣ съ своею грубостью и заносчивостью, наконецъ д'Алувилль съ своею романпческою исторіею. Какое впечатлѣніе должны были оставить они въ Растопчинѣ и могло ли оно скоро изгладиться? Оно могло быть ослаблено противоположными явленіями; но въ то самое время, когда столько желчи накопило въ душѣ графа, уже началась война съ французами. На «Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» не могли не отразиться эти домашнія тревоги Растопчина.

Мы видѣли, какиѣ сильнымъ сочувствіемъ встрѣчена была брошюра Растопчина. Еще до появленія въ печати, она уже обходила читателей въ рукописи. Въ первый разъ издана была *безъ вѣдома автора* въ Петербургѣ (47) съ слѣдующимъ посвященіемъ

Отечеству.

Тебѣ — весь одному тебѣ принадлежу,
Пока жива душа моя, пока дышу!
Не въ нѣдрѣ ли твоемъ, не на твоемъ ли лонѣ,
Увидѣлъ свѣтъ, возросъ, воспитанъ я въ законѣ, ---
Въ законѣ праотцевъ, во вѣкъ любезныхъ мнѣ?
Ихъ твердый духъ уже въ превыспренней странѣ;
Но ихъ же прахъ въ тебѣ съ почтеніемъ почиваетъ,
И ревностна ихъ кровь во мнѣ течетъ, шлаетъ.
Тебѣ полезнымъ быть — вотъ все, чего ищу!
Кому жь, коль не тебѣ я трудъ сей посвящу?

Изъ оды..... (48).

Издатель «Мыслей» А. С. Шишковъ (49) позволилъ себѣ измѣнить въ нихъ нѣкоторыя мѣста, кое-что прибавилъ отъ себя и въ концѣ

(47) «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ». Съ дозволенія Санктпетербургскаго Ценсурнаго Комитета. Въ Санктпетербургѣ, въ тип. Пвана Глазунова, 1807 года, въ 4-ю д. л.

(48) Эпиграфъ этотъ очень идетъ къ брошюрѣ Растопчина, хотя не имъ написанъ. Опъ взятъ изъ «Оды на случай Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста, изданнаго августа 30 (1806 года), М. Въ Ун. тип., въ 4 д. л., авторомъ которой Шишковъ называетъ П. Поннова. См. «Опытъ Россійской бібліографіи», ч. IV, стр. 37, № 7358.

(49) Свидѣтельство С. Н. Глинки. См. «Русское Чтеніе», отечественныя историческія памятники XVIII и XIX столѣтій, издаваемые Сергѣемъ

сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе : «Если читателю не понравятся *нѣкоторыя жоскія выраженія* Силы Андреевича, то да проститъ ему оныя, уваживъ горячее чувство и любовь къ отечеству, искони славившемуся гостепріимствомъ, вѣротерпѣніемъ и покровительствомъ гонимыхъ за честность и правду» (стр. 8). Эта оговорка могла отчасти ослабить то впечатлѣніе, которое авторъ «Мыслей» думалъ произвести на публику. Съ другой стороны, хотя брошюра была встрѣчена общимъ одобреніемъ и похвалами «Московскихъ Вѣдомостей» ⁽⁵⁰⁾; но графу Растопчину не могли понравиться дополненія и перемѣны, сдѣланныя въ ней Шишковымъ; особенно оскорбило автора то, что послѣ словъ: «Честь Государю нашему и матушкѣ Россіи» прибавлено было: слава тебѣ, храбрый Бенингсенъ. Въ томъ же году Растопчинъ самъ издалъ въ Москвѣ ⁽⁵¹⁾ свое произведеніе, въ первоначальномъ видѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ» (Москва, въ типографіи Платона Бекетова, 1807, въ 8 д. л., 16 стр.). Письмо Силы Андреевича, приложен-

Глинкою (Сиб. 1845), ч. I, стр. 220. Впрочемъ, Глинка очень-часто невѣрно передаетъ дѣло. Такъ и здѣсь онъ влагасть Растопчину слѣдующія слова: «Я крайне неблагодаренъ Шишкову за то, что онъ, безъ моего согласія *перепечатавъ* мои листки, вставилъ *наряду съ Багратиономъ* и другими русскими полководцами имя Бенингсена, о которомъ я и не думалъ». Шишковъ не могъ *перепечатывать* листовъ Растопчина, потому-что они не были еще *напечатаны*; *Багратионъ* не упомянутъ Растопчинымъ въ числѣ русскихъ полководцевъ.

⁽⁵⁰⁾ Выписываемъ отзывъ Московскихъ Вѣдомостей: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», новое Россійское неподражаемое сочиненіе. Входитъ въ подробное изчисленіе красоть сего сочиненія, быть бы трудъ и совершенно излишній и невозможный; излишній — поелику всякое слово вмѣщаетъ въ себя сильную и богатую мысль; невозможный же потому, что сердечныхъ чувствъ изображеніе никому еще не удавалось. Довольно сказать, что пѣль автора, страстно любящаго свое отечество, счастливо достигнутая, есть показать преимущество Россіянъ передъ Французами. Слогъ его такъ плѣнителенъ, такъ разителенъ, что цѣлыя страницы врезались ужъ въ памяти у всѣхъ, кто ни читалъ патріотическія сіи размышленія (Московскія Вѣдомости, 1807 г., № 37, стр. 834).

⁽⁵¹⁾ Въ «Отеч. Запискахъ» (1853 г., № 8, отд. V, стр. 82), сказано было, что «*эта книжка* («Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ»), *была издана въ Москвѣ, перепечатана въ Петербургѣ*». Дѣло было совершенно наоборотъ. Сонниковъ справедливо называетъ (№ 6338), московское изданіе «Мыслей» *вторымъ*, хотя невѣрно показываетъ, что оно въ 4-ю д. л.

ное къ московскому изданію «Мыслей», все направлено противъ продѣлокъ петербургскаго издателя: въ немъ, что ни слово, то намекъ на измѣненія и приставки, допущенныя въ петербургскомъ изданіи брошюры. «Получая отъ скуки московскія газеты (пишетъ Растончинъ), увидѣлъ, что я *напечатанъ* и *расхваленъ безъ спросу*, Господь въдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено, что меня кой-кто въ Москвѣ знаетъ, потому-что многіе честные люди, по милости своей, не оставляютъ, *а какъ подслушали, что у меня въ головѣ бродило, то это, право, диковина*. Видно, много праздношатающихъ, или уши длиннѣй стали, или я и за *правду* такъ рѣчь говорилъ. Ну да что за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старой, кто осудить, ему же стыдно будетъ. Брашть не диковина, да было бы за что? А у меня, что на умѣ, то и на языкѣ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ, что меня хвалятъ, то сказалъ: «Ба! опять въ честь попалъ! Смотри пожалуй! Дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло. *Подслушивать охотниковъ много, и слушать такъ есть, а слушаться — мало*. Право такъ! я радъ сидя разговаривать *одинъ*, пусть говорятъ, что съ ума сошелъ, отъ слова ничего не подѣится, дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ тишину на языкѣ. Согрешилъ грѣшной! *Ну да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно*. Зачѣмъ *перекроили* меня, *вить я думалъ, что хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное*. Кто просилъ? Инова всунули, другова вытолкнули, а тамъ оговорка: *жеска дескать рѣчь*. И вѣдомо такъ, вить правда не пуховикъ. Это пынче изъ нее дѣлаютъ момаду. Про меня грѣхъ сказать, *что мягко стелить, да жеско спать*. И ужъ вышло мнѣ «Красное Крыльцо» сокомъ! въ кой-то вѣки присѣлъ отдохнуть, на немъ потѣлъ, да и отъ него потѣю. Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ? а про васъ-то слово, я говорилъ дѣло. *Пусть мои рѣчи толкуютъ, да своихъ не примѣшивай*» (52).

Такъ объясняется происхожденіе Письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ. Самое простое, незначительное литературное объясненіе Растончинъ умѣлъ облечь въ привлекательную форму и своему личному дѣлу дать нѣкоторую занимательность. Вообще, живое отношеніе къ лицамъ и обстоятельствамъ (то важнымъ, то ничтожнымъ) составляетъ отличительную черту его произведеній. Отсюда происходили успѣхъ или неудачи ихъ въ публикѣ

⁵², «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», стр. 13 — 15. Сочиненія, стр. 21 — 23.

«Мысли на Красномъ Крыльцѣ» были съ восторгомъ приняты всѣми, важность цѣли, къ которой стремился авторъ, устраняла личныя, мелочныя подробности, какія указаны въ *Письмѣ Богатырева къ одному пріятелю въ Москву*. Одинаковость интересовъ, одушевлявшихъ русскихъ во время войны съ Франціею, сблизила публику съ мыслями Богатырева точно также, какъ сблизала автора ихъ съ людьми одинаковаго направленія литературнаго. Въ концѣ 1807 года С. П. Глинка предпринялъ изданіе «Русскаго Вѣстника»; цѣлью журнала было предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ русскимъ. «Пстинная добродѣтель (говоритъ издатель) не требуетъ похвалъ; но нужно напоминать о ней въ наставленіе другимъ». Въ то время, когда «Исторія Государства Россійскаго» только зачиналась еще подъ перомъ Карамзина, обѣщаніе Глинки вносить въ журналъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи имѣло большое значеніе. Иже ностараемся мы показать характеръ «Русскаго Вѣстника» и его значеніе; теперь укажемъ только цѣль, къ которой стремился издатель. «Философы осьмагонадесять столѣтія (говоритъ онъ) никогда не заботились о доказательствахъ; они писали политическіе, историческіе, нравоучительные, метафизическіе, физическіе романы; порицали все, все опровергали, обѣщали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу: не говоря, что такое то и другое; не показывая къ нимъ никакого слѣда; словомъ: они желали преобразить все по своему. Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія! И такъ, замѣчая пылѣшіе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч. мы будемъ противоположать имъ не вымыслы *романическіе*, но нравы и добродѣтели праотцовъ нашихъ. Пусть друзья блага общаго судятъ о преимуществахъ того и другаго!»⁽⁵³⁾ И такъ, изученіе старины у Глинки получало примѣненіе къ современности. Не то же ли видимъ въ «Мысляхъ» въ слухѣ на Красномъ Крыльцѣ? Но мысль Растопчина получила болѣе обширное выраженіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Можно сказать, что журналъ Глинки обѣщаль только развитіе того, что въ «Мысляхъ» было высказано намеками. Растопчинъ привѣтствовалъ это предпріятіе съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Вскорѣ по выходѣ объявленія о изданіи «Русскаго Вѣстника» встрѣтившись съ С. П. Глинкою у А. С. Небольсиной, онъ подошелъ къ нему и обѣщаль свое сотрудничество по новому журналу⁽⁵⁴⁾. Онъ просилъ издателя остано-

⁽⁵³⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1808 г., № 1, стр. 6 — 7.

⁽⁵⁴⁾ Этотъ анекдотъ переданъ Глинкою (въ «Русскомъ Читаніи», I, 219 — 220) и совершенно подтверждается рассказомъ А. О. Растопчина.

вать запальчивое перо его. Въ первой книжкѣ «Вѣстника» помѣщена была статья Растопчина подъ заглавіемъ: «Письмо къ издателямъ отъ 22 декабря 1807 года, изъ села Зипунова» ⁽⁵⁵⁾. Въ этой небольшой статейкѣ весь Растопчинъ съ своею ненавистью къ французолобцамъ и иностранцамъ, съ своимъ живымъ, неистощимымъ остроуміемъ, съ своею оригинальною рѣзкостью и прямою выраженіемъ. «Письмо», по мѣткости нападокъ на пристрастіе къ иноземному, по блестящему изложенію можетъ быть поставлено на ряду съ *Мыслями въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ*. Выписываемъ его вполнѣ: ⁽⁵⁶⁾

«Милостивый государь мой,

Издатель «Русскаго Вѣстника»!

«Хотя я имѣлъ и самъ человѣкъ съ десятокъ заморскихъ учителей, зѣвалъ на чужой землѣ и говорю на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но со всеѣмъ тѣмъ Богъ охранилъ меня отъ заразы. И я узналъ свою отчизну, помня примѣры предковъ, поученія священника Петра, и слова мамы Герасимовны, остался до-сихъ-поръ совершенно Русскимъ. Отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя «Сумбеки» и «Наташи боярской дочери» ⁽⁵⁷⁾, увидѣлъ я обнародованіе ваше о «Россійскомъ Вѣстникѣ»: хвалю столько же благое намѣреніе, сколько дивлюся смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея исцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ, но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ ступоръ. Конечно, васъ читать будутъ многіе; все благомыслящее и любящее законы, Отечество и Государя (слѣдственно и честь) отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для сихъ прошедшее не нужно; ибо они сами настоящимъ служатъ примѣромъ. А какъ заставить любить по-русски Отечество тѣхъ, кои его презираютъ, не знаютъ своего язы-

⁽⁵⁵⁾ Оно подписано псевдонимомъ *Устинъ Вльниковъ*. Съ этимъ именемъ встрѣтимся мы, говоря о «Вѣстяхъ», комедіи Растопчина, оправданіе которой авторъ напечаталъ въ формѣ *Письма Богатырева къ Вльникову*. Глывка въ примѣчаніи подъ «письмомъ» намекаетъ на Растопчина, какъ автора его, говоря: «Издатель усердно проситъ почтеннаго жителя села Зипунова и соседа его, Силу Андреевича Богатырева, обогащать «Русскій Вѣстникъ» замѣчаніями и письмами своимъ.» Въ «Русскомъ Читаніи» (I, 225) можно найти прямое доказательство, что статья писана Растопчинымъ.

⁽⁵⁶⁾ Въ смірдинскомъ изданіи «Сочиненій Растопчина» оно не помѣщено.

⁽⁵⁷⁾ То-есть, С. П. Глинки.

ка и по необходимости русскіе? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранныя? Какъ сдѣлаться терпимымъ у раздѣтыхъ по модѣ барынь и барышень? Упрашивайте, убѣждайте, стыдите—ничто не подѣйствуетъ. Для сихъ отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранныя за наше гостепріимство, терпѣніе и деньги ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и Русскіе къ нимъ пристають. Я не удивлюсь, есть ли со временемъ найдется какой-нибудь безстыдной враль, которой станетъ намъ доказывать, что мы не люди, и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными, по ихъ благоразсмотрѣнію; что мы безъ нихъ обратились бы въ четвероногихъ, безъ ихъ языка... и безъ ихъ поваровъ ѣли бы траву и жолуди. Мы съ перваго раза вытверживаемъ имя всякаго иностраннаго *искидка*, а они до-сихъ-поръ не могутъ правильно писать Суворовъ, а что еще лучше, что симъ великимъ именемъ называютъ въ Лондонѣ бѣлаго медвѣдя: и въ Парижѣ въ 1785 году показывали за дельги Француза, одѣтаго въ звѣриную кожу подъ вывѣской: *здесь можно видѣть страшное чудовище, которое говоритъ природнымъ своимъ московскимъ языкомъ*. Принимая живое участіе въ успѣхъ вашего сочиненія, совѣтую пріучать слегка къ забытой Русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за границей; совѣтую называть подлинныя сочиненія наши переводами, разжаловать всѣхъ нашихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англійскимъ эниграфомъ и картинкой, представляющей певичную въ новомъ вкусѣ насмѣшку. Напримѣръ: представьте парикмахера, стригущаго русскаго съ надписью: *подстриженной свѣрной Самсонъ*, или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцевать съ надписью: *сержусь, но поклонюсь*; или бѣса, раздѣвающаго Русскаго, съ надписью: *облегчится и просвѣтитъ*.

«Вотъ совѣты, кои русской старикъ почитаетъ нужными для васъ, подтверждая, что опытность его и долгое обращеніе съ людьми утѣрили въ неоспоримой истинѣ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ исправлять поврежденныхъ и проповѣдывать добродѣтель тѣмъ, кои се ищутъ въ словаряхъ для переводу.

Впрочемъ, имѣю честь пребыть и проч.

Устинъ Вѣниковъ» (58).

(58) «Русскій Вѣстникъ», 1808 г., № 1, стр. 68—72.

Нелюбовь къ французамъ была, можно сказать, вдохновеніемъ Растопчина: почти всѣ его произведенія проникнуты и вызваны ею, почти во всѣхъ видно желаніе

Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Съ особенной задушевностью и теплотою высказываетъ Растопчинъ свои патріотическія желанія и надежды въ слѣдующемъ письмѣ къ Глинка, писанномъ вѣкорѣ по напечатаніи «Письма Устина Вѣпикова»: «Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей въ 1-й книжкѣ Русскаго Вѣстника. Мой Устинъ Вѣпиковъ продолженіе моего Богатырева и его Мыслей велухъ на Красномъ Крыльцѣ. Пора духу русскому пріосаниться. Шопотъ дѣло сплетницъ. А я спѣшу вамъ сказать, что нашъ молодецъ Суворовъ пріосанилъ мое перо, и оно изъ жизни его вырвало кое-что такое, что мысль и слова его ставить на одной чертѣ съ его героизмомъ. Этотъ чудакъ герой, какъ будто и изъ могилы своей выкликается душу, разумѣется, душу русскую. Вамъ, мой любезный сотрудникъ, непременно надобно побывать у меня въ селѣ Вороновѣ, гдѣ и получите отъ меня анекдоты о Суворовѣ, иначе не выпущу ихъ изъ рукъ. А чтобы вамъ не соскучиться въ дорогѣ, я пригласилъ вамъ въ товарищи Д. А. Новосильцова и общаго нашего пріятеля П. С. Муромцова. Оба они, по обычаю нашей молодежи, рыскали по чужимъ краямъ. Первый былъ тамъ съ нынѣшнимъ министромъ финансовъ, Гурьевымъ. Оба они, по замашкѣ ума, въ грязь лицомъ не ударятъ. Готовьтесь наострить слухъ къ выслушанію вѣстей о пресловутой Европѣ, которую теперь няньчить и водить на помочахъ нашъ другъ Наполеонъ. Можетъ-быть, изъ краснобайства о заморскомъ выскажется что-нибудь и о нашей матери землѣ русской. Вѣдь все теперь еще въ раздумѣ и въ разгулѣ. Но, что земля русская намъ не мачиха, объ этомъ готовъ спорить до-тѣхъ-поръ, пока не лягу въ мать сырую землю. Чего пѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бъ ее покрѣпче душа русская; а то постоять она за себя» ⁽⁵⁹⁾. Чаяніе великаго будущаго «родной колыбели», если только будетъ въ русскихъ «горячее къ ней сердце» водило перомъ Растопчина: просмотрите всѣ его сочиненія, и вы тотчасъ замѣтите, что всѣ они проникнуты однимъ духомъ, стремленіемъ къ одной цѣли, къ которой авторъ плетъ послѣдовательно и неуклонно. Цѣль та, чтобы «покрѣпче душа Русская обнимала родную колыбель».

⁽⁵⁹⁾ «Русское Чтеніе», Ч. I, стр. 225—226.

Какія же средства указываетъ Растопчинъ для достиженія этой вожделѣнной цѣли? Нужно «отнавшимъ отъ своихъ» вкоренить убѣжденіе въ великомъ значеніи народа; нужно по возможности устранить даже такое «отпаденіе отъ своего». Средство не новое. Еще первый русскій сатирикъ, скорбя слѣпымъ ожесточеніемъ пспорченныхъ приверженцевъ старины противъ просвѣщенія, совѣтовалъ отрывать отъ нихъ молодое поколѣніе, потому-что «примѣръ наставленія великаго сильнѣе», и говорилъ, что главное дѣло воспитанія есть «сердце младенческое въ добрыхъ нравахъ утвердить». Растопчинъ столь же сильно чувствуетъ вліяніе воспитанія на убѣжденія чловѣка. Онъ подноситъ свою «наборную повѣсть изъ бывшей порусски писанную: *Охъ Французы!*»⁽⁶⁰⁾:

«Всѣмъ отцамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, конхъ Богъ благословилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и замужемъ отъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти-пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ.

Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества, и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне, хотя подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ ипоземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристаесть. Они и до-сихъ-поръ французовъ называютъ иѣмцами. Растопчинъ не скрываетъ дидактическаго направленія своей повѣсти. «Если наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать сберегутъ дѣтей отъ разврата (говоритъ онъ). то я и доволенъ, и счастливъ. Сяду въ кресла, посмотрю съ удовольствіемъ на свою черныльницу, потру лобъ, и скажу: доброе дѣло! Велика милость господня!»

Впрочемъ, хотя авторъ приступаетъ къ разсказу съ цѣлью вывести изъ него извѣстное правоученіе, но въ немъ незамѣтно ни натяжекъ, ни утомительной морали. Содержаніе повѣсти очень-просто: женитьба богатаго русскаго помѣщика на молодой дѣвушкѣ, безъ состоянія, спрота, которая живетъ въ домѣ своей тѣтки. Множество эпизодовъ, разсужденій, ксатати и съ искусствомъ вставленныхъ въ разсказъ, придаютъ ему особенную оригинальность. Герой повѣсти — Лука Андреевичъ Кремневъ является представителемъ добрыхъ сторонъ русскаго

(60) Страшно, что эта повѣсть, одна изъ лучшихъ произведеній Растопчина, не внесена г. Смирнымъ въ Полное собраніе сочиненій графа. Она напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ*, 1842, Т. XXIV, № 10. Написана повѣсть, вѣроятно, до 1812 года.

человѣка; это лицо не новое: это — Богатыревъ «Мыслей вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», это Устинъ Вѣниковъ «Письма къ издателю Русскаго Вѣстника». Родство Кремлева съ Богатыревымъ такъ близко, что самъ авторъ называетъ его Богатыревымъ ⁽⁶¹⁾, обмолвка нечаянная, но не случайная: въ сущности и Богатыревъ и Вѣниковъ и Кремлевъ — одно лицо, одно воплощеніе того идеала русскаго человѣка, который сложился въ мысляхъ Растопчина. Повѣсть какъ-бы не кончена, но, читая ее, трудно вѣрить, чтобъ она писана была болѣе сорока лѣтъ тому назадъ — такъ мало въ ней того, что составляетъ общую принадлежность современныхъ ей литературныхъ произведеній! Въ противоположность идеальнымъ, оторваннымъ отъ дѣйствительной жизни героямъ повѣстей и романовъ того времени, Растопчинъ выводитъ въ своей повѣсти живыхъ людей: тѣтку невѣсты, женщину практическую, но не всегда распорядительную; барскую барыню Крисанфовну, Феклистыча, который былъ некогда женскимъ портнымъ, спился-было до того, что кричалъ на барыню: «слово и дѣло», но послѣ какъ-то установился и былъ женатъ на любимой сѣиной дѣвушкѣ, долгою жизнію сходя на всѣхъ лучше себя людей, дошелъ до высшей степени почестей въ дворянскомъ домѣ; т. е. до дворецкихъ и пр. У Растопчина была замѣчательная наблюдательность и не безъ основанія можно предполагать, что многія, вѣрно-очерченныя лица его повѣсти были простыми списками тѣхъ, которыхъ авторъ дѣйствительно зналъ и имѣлъ передъ глазами. Въ повѣсти есть, напримѣръ: Маремьяна Бобровна — лицо, которое является и въ комедіи графа «Вѣсти или убитый живой». У насъ есть прямое указаніе, что въ этой пьесѣ графъ вывелъ нѣсколько лицъ, извѣстныхъ московскому обществу того времени. Если несомнѣнно, что тѣ лица сумароковскихъ комедій, которыя и до-сихъ-поръ не потеряли для насъ занимательности, были прямо выхвачены изъ дѣйствительности, окружавшей творца ихъ ⁽⁶²⁾, то подобный же фактъ можно указать и въ «Вѣстяхъ» или, лучше, во всѣхъ русскихъ комедіяхъ, имѣющихъ достоинство. Въ комедіи Растопчина собственно нѣтъ дѣйствія развивающагося; это простая картина семейства, которое принуждено испытать на себѣ непріятныя слѣдствія ложныхъ вѣстей. Глава этого семейства Сила Андреичъ Богатыревъ; женихъ его дочери — Побѣдинъ находится въ дѣйствующей арміи. Отъ знакомыхъ — Развозова, Пустякова Богатыревъ

⁽⁶¹⁾ Тамъ же, стр. 314.

⁽⁶²⁾ Эта мысль прекрасно развита г. Пыпинымъ въ разборѣ сочиненія г. Булича «Сумароковъ и современная ему критика», «Санктпетербургскія Вѣдомости», 1854, № 84.

слышать, что будущій зять его раненъ, а Набатова объявляетъ, что онъ убитъ. Это извѣстіе какъ громомъ поражаетъ—не Богатырева, у котораго мысль о защитѣ отечества подавляетъ всякія личныя скорби и интересы, но жену его. Докторъ Моренкопфъ приготовляетъ уже все нужное, чтобъ пустить кровь Богатыревой; Пегасовскій написалъ ужь оду на смерть Побѣдина, когда самъ онъ вдругъ является къ изумленному семейству уликою всѣхъ ложныхъ о немъ толковъ. Неумѣренныя, заносчивыя изліянія Богатырева противъ Набатовой (въ 12-мъ и 14-мъ явленіяхъ) показываютъ, что Растопчинъ преслѣдовалъ дѣло по горячимъ слѣдамъ: онъ, можно сказать, исторію вчерашняго дня захотѣлъ сегодня повторить на сценѣ. Но, перенося ее на сцену, авторъ какъ-бы незамѣтно прихватилъ нѣкоторыя изъ живыхъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и любимая, обычная манера нашей старой комедіи «выводить подлинники» (какъ выразился Новиковъ) повторилась и у Растопчина. Одинъ современникъ, хорошо его знавшій, говоритъ: «графъ написалъ много комедій, исполненныхъ остроты и критики на оригинальныя лица, между нами встрѣчавшіяся ⁽⁶³⁾». Вѣроятно, чувствуя, что подобныя комедіи не могутъ возбуждать общаго интереса, авторъ, «по прочтеніи своихъ комедій въ маломъ обществѣ, обыкновенно предавалъ ихъ огню ⁽⁶⁴⁾». Только «Вѣсти» были поставлены на сцену; но они не имѣли успѣха ⁽⁶⁵⁾. Лицо Богатырева, вставленное въ комедію, много вредитъ живости пьесы и своимъ тирадамъ, особенно въ начальныхъ явленіяхъ, напоминаетъ утомительныя разсужденія Правдина въ «Недорослѣ». Съ другой стороны, холодный приѣмъ «Вѣстей» публикою объясняется частью тѣмъ, что въ нихъ ощутительно отсутствіе драматическаго движенія, частью тѣмъ, что авторъ вывелъ «подлинники»: то, что было вполне попятно и интересно для тѣснаго кружка знакомыхъ Растопчина, которымъ, конечно, извѣстны были эти «подлинники», не могло въ той же степени интересовать публику. А «подлинники», выведенные на сцену авторомъ, могли ли простить ему такой поступокъ? Судьею комедіи былъ отчасти и подсудимый; легко видѣть, каковъ будетъ этотъ судъ. «Комедія *Вѣсти, или убитый живой* (разсказываетъ С. Н. Глинка) указывала на извѣстныя тогда въ Москвѣ лица. Все смолзло. Повсюду раздавались шканья и топанья, и роковые отголоски свистковъ: остроуміе сочинителя уступило такому упор-

⁽⁶³⁾ *Біографія графа О. В. Растопчина* въ «Отеч. Зап.» 1826. Ч. XXVI, стр. 79.

⁽⁶⁴⁾ Тамъ же, стр. 79—80.

⁽⁶⁵⁾ Фонвизинъ, соч. кн. II. Вяземскаго, стр. 225.

ному натиску, и онъ, въ пылу досады, прислалъ въ «Вѣстникъ» два письма, въ которыхъ зевесовскими перунами огромятъ *ложки и кресла*. Въ силу предварительнаго условія, получа отъ меня отказъ, графъ запискою въ третьемъ лицѣ требовалъ у *майора Глинка* возвращенія его бумагъ. Я также въ третьемъ лицѣ отвѣчалъ, что майоръ Глинка благодаритъ графа за снятіе съ него бремени замѣчаній и съ удовольствіемъ возвращаетъ ему бумаги ⁽⁶⁶⁾. Вѣроятно, эти письма, о которыхъ упоминаетъ Глинка, были изданы Растопчинымъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: *Письма Устина Ульяныча Вѣникова къ Силѣ Андрѣвичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андрѣича Богатырева Устину Ульяновичу Вѣникову* (М., въ типографіи С. Селивановскаго, 1808 г., въ 8-ю д. л. 15 стр.). Растопчинъ въ-самомъ-дѣлѣ нападаетъ въ этой брошюрѣ на *ложки и кресла*. «Объ Россіи ты говоришь, какъ закошій ея сынъ и лѣзкій любовникъ (пишетъ Вѣниковъ къ Богатыреву), и хотя господа актёры изъ кожи лѣзли и галерейные засѣдатели много были въ ладоши, однакожь, правду сказать: ложная и кресельная публика несовсѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и ты пересолилъ» и т. д. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Растопчинъ въ этомъ мѣстѣ *огромятъ* *ложки и кресла зевесовскими перунами*, какъ выразился Глинка о письмахъ, къ нему присланныхъ. Но мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что во всѣхъ экземплярахъ брошюрки *Письма Вѣникова* велѣдъ за четвертою страницю прямо идетъ девятая; кромѣ-того, брошюрку слѣдовало бы назвать *Письмо Вѣникова*, а не *Письма*, потому-что *одно* только письмо Вѣникова напечатано въ ней. Вѣроятно, середина брошюрки, содержавшая второе письмо Вѣникова, была ужь по отпечатаніи уничтожена авторомъ; этимъ объясняется и упомянутая нумерація страницъ. Растопчинъ самъ замѣтилъ, что дидактическій характеръ роли Богатырева не понравился публикѣ. «Нынѣ проновѣди не въ модѣ, а говори о погодѣ» (пишетъ онъ по этому случаю). Комедія явилась въ то время, когда плеча Пабатовыхъ—цеугомонныхъ вѣстовицъ, размножилось; праздникъ былъ на ихъ улицѣ: извѣстныя политическія обстоятельства того времени доставляли обильную пищу празднымъ языкамъ. «Вѣстямъ» (говоритъ Богатыревъ) есть фабрика, конторы и, смотря по людямъ, курсъ вѣстовой бываетъ ниже и выше, а въ иныхъ домахъ, какъ на Кяхтѣ, дѣлаютъ вѣстямъ промыслъ и слѣшатъ ихъ съ

⁽⁶⁶⁾ См. статью С. Н. Глинка *Отвѣтъ Н. Н. Греку на статью его въ Русскомъ Вѣстникѣ* («Русскій Вѣстникъ», 1841 г., кн. VII, стр. 12—13).

рукъ сжить съ барышомъ. При всякомъ извѣстїи о сраженїи и пустаня по городу какъ почталыоны въ почтовый день, и примутся, какъ имъ угодно, производить въ чины, въ кавалеры, въ героя, въ трусы; отправлять на тотъ свѣтъ живыхъ, возвращать оттуда мертвыхъ, и на другой день множество каретъ, нагруженныхъ вѣстями, ложью и слетнями, скачутъ радовать и печалить. Я это вижу, сидя подъ окномъ. И какъ сломается карета, то ужъ никто не остановится прибрать цеховаго вѣстовщика, или вѣстовщицу, а всякій самъ спѣшитъ и боится, чтобъ его не обогнали, какъ курьера съ радостнымъ извѣстіемъ. *Часто рассказы этихъ публичныхъ вѣстовыхъ на нѣсколько времени направляютъ мнѣніе и самой публики, которая почтенна, да немножко легковѣрна* ⁽⁶⁷⁾». Въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, слышишь не Богатырева, а самого автора: Растопчинъ самъ какъ-бы входитъ въ пьесу и вноситъ въ нее свои личныя мысли и ощущенія; онъ часто увлекается ими, и Богатыревъ дѣлается орудіемъ для сообщенія ихъ публикѣ. Изъ этого ужъ можно заключить, что авторъ не въ-состояніи былъ дать живаго цѣлостнаго характера лицамъ своей комедїи: они являются только выразителями той или другой стороны общества, и нѣтъ въ нихъ жизненной полноты и разнообразія чертъ. Богатыревъ только олицетвореніе патріотизма, все остальное для него чуждо, точно также, какъ Набатова олицетвореніе страсти къ слетнямъ, Побѣдинъ—доблести, Пегасовскій—страсти къ одописанію. Одно-стороннее развитіе отличаетъ всѣ лица комедїи Растопчина и зависѣло сколько отъ цѣли автора, столько же и отъ тѣснаго объема самого дѣйствія. Въ «Вѣстяхъ» Растопчинъ имѣлъ въ виду осмѣять Набатовыхъ съ разнохарактерною ихъ свитою и тѣмъ отстранить вредное при тогдашнихъ обстоятельствахъ вліяніе, которое толки ихъ могли имѣть на публику. Но гдѣ Богатыревъ, тутъ и ненависть къ французамъ и французлюбцамъ, тутъ и гоненіе на моду, ихъ порожденіе, и на свѣтское quasi-воспитаніе. Главною цѣлью нападеній остались вѣсти, какъ показываетъ самое названіе пьесы. Желаніе поразить слетни тѣмъ орудіемъ, «котораго боится даже и тотъ, кто ужъ ничего не боится», имѣло въ то время большое значеніе. Такъ вредно дѣйствовали Набатовы на массу, что правительство должно было принять противъ нихъ мѣры. «Къ Б. точно писано (говоритъ Растопчинъ въ письмѣ къ Цапанову отъ 17 января 1806 г.), чтобъ рассказы унимать, и одного болтуна отправили въ Петербургъ». Изъ этихъ словъ легко видѣть,

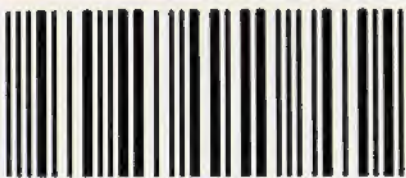
⁽⁶⁷⁾ Вѣсти, или убитый живой, комедія въ одномъ дѣйствїи, соч. гр. О. В. Растопчина (М. 1808, въ 8-й д. л.) стр. 10. Сочиненія, стр. 0—441.

какую близкую цѣль имѣлъ въ виду авторъ, и какъ важна была эта цѣль.

Заключая обзоръ перваго періода литературной дѣятельности Растопчина, мы можемъ сказать, что характеръ ея во время самыхъ блестящихъ его подвиговъ нисколько не измѣнится: въ 1812-мъ году онъ обнаружится только сильнѣе и спасительное дѣйствіе произведеній Растопчина на массу скажется осязательнѣе, чѣмъ прежде. Растопчинъ вполне былъ убѣжденъ, что авторъ «Мыслей вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», «Письма», «Вѣстей», точно также былъ защитникомъ отечества въ бѣдственную пору, какъ и всякій, встрѣчавшій врага съ оружіемъ въ рукахъ. И мы можемъ сказать, что онъ не ошибался. Листки летучихъ брошюръ сблизилъ его съ массою, съ народомъ, и когда, въ бурное время отечественной войны, онъ снова, уже какъ лицо, облеченное государственнымъ значеніемъ, возьмется за то же средство поддерживать духъ народный, оно выведетъ его прямо къ цѣли, къ той высокой цѣли, успешное достиженіе которой дало ему право написать подъ своимъ портретомъ два краснорѣчивые своею правдою стиха:

Онъ въ Москвѣ родился,
И ей пригодился.

W

2007043296

2007043296